

ВВЕДЕНИЕ

В Типографском собрании Российского государственного архива древних актов под четырнадцатым номером хранится древнеславянская рукописная книга. Она написана кириллицей, содержит 166 листов древнего пергамина. Текстом занято сто шестьдесят четыре листа и поллиста. Листы пергамина небольшого размера, в четвертку ($17 \times 13-14$ см), при этом пергамен не однороден по выделке. Все листы разлинованы в один столбец, количество строк варьируется от шестнадцати до двадцати одной.

Кодекс содержит Евангелие – краткий апракос с традиционным расположением текста: сначала идут чтения от Пасхального воскресения до Страстной субботы (лл. 1–124а); затем следуют чтения Месяцеслова с 1 сентября до 14 июня (лл. 124б–152); далее находятся 11 утренних воскресных евангелий (лл. 153–165). Текст на лицевой стороне последнего листа 166 содержит отрывок службы «на всякую потребу». Книга сохранилась не полностью, в ней отмечены значительные утраты, ранее правильная последовательность листов с текстом была нарушена.

По палеографическим и языковым данным в кодексе № 14 выделяются четыре части. Собственно Саввина книга – древнейшая часть содержит 129 листов в середине (лл. 25–153 – часть II). Саввина книга представляет собой, по мнению специалистов, отрывок древнейшей славянской рукописи, написанной кириллицей. Кроме Саввиной книги в кодексе находятся еще два отрывка евангелия, написанные в Древней Руси, то есть в иной славянской языковой среде и в другое время: часть I (лл. 1–24) и часть III (лл. 154–165). Четвертую часть кодекса составляет последний лист 166, написанный в XI в. в Древней Болгарии.

Перед началом евангельского текста на обороте 1-го листа находится запись XVII в. «Середкина ®», сделанная четкой скорописью. Ее наличие свидетельствует, по общему мнению, о том, что рукопись № 14 вместе с другими в XVII веке поступила на Печатный двор в Москву из Псковского Середкина монастыря. Аналогичные записи отмечены еще на пяти книгах собрания Типографской библиотеки. С XVII века кодекс хранится в Типографском собрании, ныне фонд 381 Российского государственного архива древних актов в Москве (ранее ЦГАДА).

По причине общей неудовлетворительной сохранности в 1988–1991 гг. рукопись была направлена во ВНИИР (ныне Российской научно-исследовательский институт реставрации) в Москве. В целях комплексной реставрации кодекс расплели и освободили книжные листы. Пергамен распрямили, тщательно очистили от поверхностных загрязнений и подклеили особым пергаменным kleem те дыры, которые могли привести к увеличению разрывов. Затем книга была заново сшита. По решению научного реставрационного совета в кодексе была восстановлена правильная последовательность текста с изменением нумерации листов. Для лучших условий хранения был изготовлен новый реставрационный переплет из липовых досок. Затем переплет был обтянут кожей и снабжен двумя застежками. Для лучшей сохранности текста в книгу были вставлены два новых переплетных листа пергамина, обергающих текст от соприкосновения с досками.

Реставрация 1988–1991 гг. не единственная в истории кодекса. Известно, что в середине 40–60-х годов нашего столетия в ЦГАДА кодекс отреставрировали. Для него был сделан картонный переплет, обтянутый новым пергаменом. До того времени рукопись № 14 хранилась как «сшивок» без переплета. При этой реставрации рукопись также была расплетена с освобождением для чистки книжных листов и тетрадей. Очевидно, в это время была снята бумажная «обклейка» оборота листа 166 (165). При переплете кодекса каждая тетрадь была заключена в бумажные фальцы, при этом были допу-

щены новые ошибки в составе тетрадей, в конце кодекса была нарушена последовательность листов с текстом и на них проставлена новая ошибочная нумерация. В настоящее время не представляется возможным установить, с применением каких средств и способов проводилась чистка пергамена, реставрационная документация отсутствует (не сохранилась?). Однако можно утверждать, что эта реставрация нанесла памятнику непоправимый вред. Пергамен приобрел необычный темный цвет, многие тонкие листы стали прозрачными. Почти полностью в Саввиной книге исчезло письмо краской, которое ранее, в XIX и в начале XX в., достаточно хорошо прочитывалось.

История изучения рукописи¹

Честь открытия кодекса с Саввиной книгой принадлежит И. И. Срезневскому. В 1866 году он обратил внимание на хранящуюся в Типографской библиотеке древнеславянскую рукописную книгу Евангелия. Кодекс хранился без переплета, И. И. Срезневский определил его как «сшивок из трех частей». В 1867 г. он осуществил первую публикацию отрывка кодекса (часть III) под заголовком «Отрывок из русского списка евангельских чтений XI века». В публикации не было сказано, что этот отрывок является частью рукописи № 14 (ныне лл. 154–165). В начале публикации были воспроизведены несколько строк из Остромирова Евангелия (начало 1-го воскресного евангелия), восполняющие отсутствующие в отрывке. Публикации предшествовала краткая заметка автора, в которой говорилось о ценности данных отрывка для филологических исследований [1, с. 44–57].

В следующем, 1868, году И. И. Срезневский публикует еще одну часть кодекса: часть II, отрывок в 129 листов [2, с. 1–152]. Он устанавливает, что эта часть (ныне лл. 25–153) относится к числу древнейших памятников славянской письменности на кириллице и датирует её XI веком [2, с. 6]. И. И. Срезневский же назвал эту часть кодекса Саввиной книгой по имени «Сава», встречающемуся в приписках на нижнем поле двух листов (ныне лл. 51 и 56). Им же было высказано предположение, что упоминаемый «попъ Сава» мог быть писцом этой части кодекса или ее владельцем (см. рис. № 2 на вклейке).

Во введении ко второй публикации И. И. Срезневский кратко сообщал еще о двух отрывках Евангелия в составе кодекса и отмечает, что установленные три части существенно различаются между собой [2, с. 5]. Здесь же автор специально останавливается на древности двух частей кодекса (II и III) и подчеркивает их значимость для историко-филологических разысканий. Во введении же приводятся сведения о палеографических особенностях Саввиной книги и обосновывается датировка рукописи XI в. Кроме того, рассматривается состав евангельских чтений и Месяцеслова, выявляются утраты. Обращается внимание на графико-орфографические особенности письма,дается их интерпретация, приводится интересный лексический материал. Для сравнения привлекаются тексты других древнеславянских рукописей, главным образом Ассеманиева и Остромирова евангелий [2, с. 7–20].

Обе публикации И. И. Срезневского выполнены в традициях своего времени. Текст передается в издании с разделением на слова «буква в букву, знак в знак, строка в строку», отмечаются границы страниц. От публикатора вводятся заглавные буквы для передачи инициалов, имеющихся в тексте, и в начале собственных имен. Заставки не выделены. Заголовки чтений обозначены полужирным шрифтом. В подстрочных примечаниях отмечаются случаи утраты текста; отсутствующий текст восполняется по Ассеманиеву евангелию и выделяется скобками. Интересно отметить, что в первом издании части III 1867 г. ни листы кодекса, ни страницы не имеют нумерации. В издании Саввиной книги (части II) 1868 г. листы пронумерованы с 1-го по 129-й. Очевидно, что эта нумерация была сделана И. И. Срезневским для своей публикации. Можно сделать вывод о том, что в кодексе № 14 в середине XIX века нумерация листов отсутствовала.

¹ При обращении к истории изучения памятника рассматриваются лишь те труды, которые выполнялись непосредственно по рукописи.

Издание текста Саввиной книги привлекло внимание многих исследователей, к нему обращались В. Вондрак, И. В. Ягич, Г. А. Воскресенский. Орнаменту Саввиной книги уделили внимание В. В. Стасов и Ф. И. Буслаев.

В конце XIX в. вышло в свет широко известное лингвистическое и палеографическое исследование Саввиной книги проф. В. Н. Щепкина, выполненное им на основании тщательного изучения рукописного источника. «Рассуждение о языке Саввиной книги» [3] справедливо признается образцовым во многих отношениях. Этот труд представляет собой первое полное монографическое исследование рукописи. Основное внимание автор уделил изучению письма Саввиной книги и его лингвистической интерпретации. Вместе с тем в исследовании рассматривается состав кодекса в целом, устанавливаются лакуны в тексте. Анализ палеографических особенностей письма Саввиной книги позволил автору сделать интересные заключения об ее оригинале. В. Н. Щепкин с уверенностью предполагает, что этот оригинал был написан глаголицей. Монография сопровождается воспроизведением двух страниц текста: 104а (ныне 106а) и 50а (ныне 52а)².

В исследовании В. Н. Щепкина широко привлекается материал других древнеславянских рукописей и данные славянских диалектов. Впервые четко определяется состав кодекса, в нем выделяются четыре разновременные части. Из них части II (Саввина книга) и IV (последний лист), по заключению В. Н. Щепкина, были созданы в восточной Болгарии в XI в., причем В. Н. Щепкин предполагал, что часть IV могла быть написана несколько позже, чем Саввина книга. Две другие части кодекса были написаны в Древней Руси. Часть III, как считал В. Н. Щепкин, была создана в XII в., а часть I датируется им XIV в. [3, с. 2–7].

В дальнейшем, в 1903 г., В. Н. Щепкин осуществил новое издание Саввиной книги [4]. По точности передачи текста рукописи и благодаря хорошему справочному аппарату оно намного превосходит предыдущее. В основу издания положен текст рукописи в том виде, в каком он сохранился до публикации. Нумерация листов, начиная с 25-го, дается в строгом соответствии с нумерацией листов кодекса. Очевидно, ко времени исследования Саввиной книги В. Н. Щепкиным в кодексе листы были при хранении пронумерованы.

При этом В. Н. Щепкин устанавливает нарушения правильной последовательности текста и ошибки в нумерации. Листы 140 и 141 в соответствии с содержанием помещены в издании после листа 27, сохранив свои порядковые номера. В рукописи два листа имели цифровую помету 139 (139¹ и 139²), с этими пометами они воспроизведены в издании. Перемещен текст листа 123 на полагающееся ему в соответствии с содержанием место вслед за 151 листом; а текст листа 164 под своим номером расположен в издании после листа 123. Следует заметить, что в правильной последовательности воспроизведен текст и в издании И. И. Срезневского, однако в нем отсутствуют какие-либо ссылки на реальное расположение текста в кодексе. При воспроизведении текста В. Н. Щепкин указывает на полях (в начале чтения) имя евангелиста, римскими цифрами обозначает номер евангельской главы, а в самом тексте арабскими цифрами обозначаются номера стихов. Публикация текста сопровождается словоуказателем, правда неполным, с греческими эквивалентами слов. К сожалению, в издании не указываются утраченные листы и тетради, для их выявления необходимо обращаться к тексту исследования. В приложении к изданию текста даны снимки еще 4-х страниц текста: 1276 (ныне 1286), 1336 (ныне 1346), 134а (ныне 135а), 142б. Таким образом, в начале XX в. были воспроизведены фотографии шести страниц текста.

Сведения о письме Саввиной книги приводятся в обобщающем труде П. А. Лаврова о палеографических особенностях кирилловского письма в южнославянских рукописях. Он рассматривает письмо памятника в ряду других древнейших южнославянских кириллических рукописей [5, с. 29–32].

² Здесь и далее цифра обозначает порядковый номер листа кодекса, буквы а и б, поставленные после цифры, указывают лицевую и оборотную стороны листа, а цифры после букв а и б обозначают порядковый номер строки с текстом.

В исследовании помещены частично новые фотокопии: 7 строк листа 96а (ранее 94а); 6 строк листа 36а (ранее 34а), 2 строки листа 142б (фотокопия помещена у В. Н. Щепкина), 5 строк листа 31а (ранее 29а). Кроме того, в Альбоме снимков опубликован лист 51б (ранее 49б) [6, № 1]. В общей сложности были опубликованы изображения чуть более восьми страниц рукописи в различных изданиях, то есть воспроизведены четыре листа из 129. В дальнейшем копии именно этих фотографий воспроизводятся специалистами.

После выхода в свет издания В. Н. Щепкина часть II кодекса, содержащая Саввину книгу, приобретает широкую известность, ее изучению в разных аспектах посвящено большое количество научных исследований [7, № 2, с. 32–33]. При этом издание часто как бы заменяет оригинал, в литературе обычны ссылки на страницы в труде В. Н. Щепкина без соотнесенности с рукописью. Многие исследователи – филологи, текстологи – в своих разысканиях непосредственно к рукописи не обращались и пользовались только этим изданием. Обстоятельная проверка точности передачи текста в издании была выполнена проф. Н. М. Каринским и опубликована в 1914 г. [8]. К сожалению, список неточностей публикации, указанных Н.М. Каринским, отличается известной неполнотой.

В дальнейшем достоверных сведений об обращении исследователей непосредственно к подлиннику мы не обнаруживаем до 1981 г.; в лучшем случае специалисты ограничивались кратким просмотром рукописи в хранилище. И лишь в 1981 году был опубликован труд болгарской исследовательницы, искусствоведа проф. Аксинии Джуровой, посвященный истории развития орнаментики в болгарских рукописях. В нем воспроизведены шесть страниц новых фотокопий и таблица инициалов [9, сн. № 35–37, табл. IX, № 273–286]; причем одна из фотокопий повторяет страницу, воспроизведенную В. Н. Щепкиным. Это иллюстрации 35: 142б–143а, 36: 128б–129а, 37: 149б–150а.

Относительно части IV кодекса, отрывка на одной странице, лицевой стороне листа 166 (ранее 165), сведения в научной литературе весьма скучные. Суждение о датировке, письме и языке этой части находятся в названном труде В. Н. Щепкина [3, с. 4–7]. Этот лист пергамена отличается очень плохой сохранностью, текст читается с большим трудом, а во многих местах не поддается прочтению. Один из авторов настоящего труда, Е. Дограмаджиева, в результате тщательного изучения текста листа 166 (ранее 165) предложила новую его интерпретацию. Она установила, что этот трудночитаемый текст представляет отрывок службы «на всякую потребу» [10, с. 17–18].

Две другие части кодекса № 14 мало известны. Древнейшая в книге восточнославянская часть (часть III) занимает 12 листов пергамена, ныне лл. 154–165 (ранее лл. 151–155, 157–163, еще ранее 152–163). Древнерусскую принадлежность письма отрывка и его дату, XI в., впервые установил И. И. Срезневский в 1867 г. [1, с. 44]. Краткие сведения об отрывке приводятся в труде В. Н. Щепкина, который с известной долей вероятности датирует его XII веком [3, с. 4]. Часть III под № 7 упоминается в обзоре древнерусских рукописей Н. В. Волкова [11, с. 51]. Достаточно подробно письмо этой части рассматривается Н. М. Каринским в труде, посвященном исследованию истории древнерусской книги [12, с. 6–7]. Он помещает фотокопии двух страниц текста (в табл. 27: лл. 159б и 162, ранее 157б и 160). Н. М. Каринский анализирует особенности почерка части III, широко привлекая материал других древнерусских рукописей XI века, и вполне убедительно датирует отрывок XI веком. С той же датой – XI век – часть III упоминается в обзоре древнерусских рукописей у Н. Н. Дурново [13, № 23, с. 56].

К языковым данным части III неоднократно обращался венгерский славист И. Тот. Он дважды публиковал отрывок параллельно с текстом из Остромирова и Ассеманиева Евангелий [14]. К сожалению, воспроизведение текста содержит ряд неточностей. Лингвистические наблюдения И. Тота дополняют известные положения об особенностях древнерусского письма XI–XII вв. и их интерпретации.

Отрывок, расположенный в начале кодекса, часть I, еще менее привлекал внимание исследователей. И. И. Срезневский лишь упоминает о том, что в кодексе на первых двадцати четырех листах содержится начало апракосного Евангелия, не относящееся по письму к Саввиной книге [2, с. 5].

Краткие сведения об этом отрывке находятся в раннем труде А. И. Соболевского. Отрывок датируется им XIV в. А. И. Соболевский впервые указывает на написания, позволяющие отнести отрывок к памятникам древнего псковского диалекта [15, с. 137–138]. Эта часть кодекса под № 127 также упоминается в обзоре Н. В. Волкова с указанием на псковское происхождение и датируется XIV в. [11, с. 58]. Краткие, но весьма существенные данные о части I кодекса сообщает В. Н. Щепкин. Он первым отметил, что лл. 1–24 представляют собой палимпсест, написанный по смытому также древнерусскому письму. В. Н. Щепкин датирует отрывок XIV веком [3, с. 2–4]. В 1993 г. проф. Роберт Матиссен (США) впервые установил, что нижнее письмо на отдельных листах является текстом Требника.

В 1990 г. была опубликована заметка О. А. Князевской о древнерусских дополнениях в рукописи № 14 [16, с. 217–231]. В ней аргументируется более раннее время создания части I кодекса. Отрывок датируется второй половиной XIII в., вероятно, он был создан ближе к концу века. Время написания части III кодекса определяется так же, как в работах И. И. Срезневского и Н. М. Каринского – XI в. (возможно концом XI – началом XII в.).

Содержание кодекса

Как уже говорилось выше, кодекс № 14 содержит Евангелие – краткий апракос. Текст сохранился не полностью, существенные лакуны как между частями, так и внутри части II отмечались неоднократно. В настоящее время текст рукописи расположен в традиционно правильной последовательности апракосного Евангелия. Как указывалось выше, до реставрации 1988–1991 гг. некоторые листы с текстом находились не на своих местах.

Часть I кодекса содержит чтения начала Евангелия-апракос от Пасхального воскресения (Ин 1.1: **[И]сконн бъаше слово...**). Далее в правильной последовательности идут чтения на Пасхальную и Фомину неделю. Затем расположено начало воскресного чтения на следующую неделю (Мк 15.43–47; Мк 16.1), им и заканчивается первая часть.

Часть II кодекса (Саввина книга) занимает 129 листов (ныне листы 25–153). В ней текст начинается с последних слов чтения на пятницу шестой недели по Пасхе (Ин 14.16: **оцн и оць въ мнѣ...**). Следовательно, между первой и второй частями кодекса имеется значительная лакуна; отсутствуют чтения на третью, четвертую, пятую недели и начало чтений на шестую неделю.

В своё время последовательность евангельских чтений в Саввиной книге рассматривалась И. И. Срезневским и В. Н. Щепкиным. По подсчетам В. Н. Щепкина, до начала текста на л. 25 было утрачено 40 листов пергамина, составлявших пять тетрадей по 8 листов в каждой. Текст на лл. 1–24 частично восполняет эту утрату.

В. Н. Щепкин в своей монографии, отмечая ошибки расположения листов с текстом и устранивая их в издании, сохраняет нумерацию рукописи. Так, чтения седьмой недели на среду (указаны начало и конец), четверг, пятницу и большую часть субботы в рукописи находились на листах 140–141; В. Н. Щепкин, как ранее И. И. Срезневский, помещает их в соответствии с правильной последовательностью после л. 27, но сохраняет их порядковые номера 140 и 141. В настоящее время эти листы получили номера 28 и 29, с последующим изменением нумерации всех листов. С л. 30 (ранее 28) чтения следуют в правильном порядке до л. 48 включительно (ранее 46), они содержат текст начиная с воскресенья 8-й недели по Пятидесятнице. Затем расположены чтения цикла по Пятидесятнице: на понедельник, субботы и воскресенья до чтения на воскресенье тринадцатой недели (Мф 21.33–42) на л. 48. На л. 49 находится конец чтения на субботу пятнадцатой недели (Мф 24.10–13), чтение на воскресенье пятнадцатой недели и начало чтения на субботу шестнадцатой недели (Мф 24.35–37). Таким образом, очевидно, что между листами 48 и 49 имеется лакуна. Между листами 49 и 50 также очевидна утрата текста: л. 50 начинается с конца чтения субботы второй недели Нового лета (Лк 5.18).

и содержит начало воскресного чтения той же недели до середины стиха 35 главы 6-й от Луки. Далее опять следует утрата текста. На л. 51 расположено без начала воскресное чтение четвертой недели Нового лета (Лк 8.7). Далее текст следует без пропусков в правильной последовательности до л. 122 включительно и содержит чтения от воскресенья четвертой недели Нового лета до четверга Страстной недели, оканчиваясь восьмым евангелием страстей, началом стиха 41 главы 23 от Луки. Между лл. 122 и 123 также находим значительную утрату текста, потеряна целая тетрадь. В ней, очевидно, содержались отсутствующие чтения на четверг Страстной недели: конец 8-го, а также 9, 10, 11, 12 евангелия страстей и все чтения на страстную пятницу. На л. 123 текст начинается с указания на утреннее чтение страстной субботы, затем расположен текст на литургию (Мф 28.1–20), он оканчивается на лицевой стороне следующего 124 листа.

С оборота л. 124 (ранее 122) следует Месяцеслов, начинающийся с 1 сентября. После реставрации лист, следовавший за 124 листом и имевший ранее помету 123, в соответствии с содержанием (на нем расположены июньские чтения), помещен после л. 151 под номером 152. На листах 124–130 (ранее 122, 124–129) находятся (иногда в отсылках) чтения на 1, 3, 6, 8–14 сентября. Между 130 и 131 листами снова обнаруживается утрата текста в один лист. На листе 130 оканчивается чтение на 14 сентября, а на листе 131 без заглавия начинается и заканчивается текст на 16 сентября. Затем в правильной последовательности до листа 149 расположены чтения: на 17, 20 сентября, а на 23–26, 30 сентября помещены только отсылки к текстам, расположенным на других листах. Затем следуют октябряемые чтения на 1, 3, 6, 18, 21, 23, 26 числа, далее ноябрьские на 1, 8, 13, 14, 16, 17, 21, 25 и декабряемые на 4, 5, 6, 13, 21, 22, 26–29 числа. На декабрь полностью приводятся лишь рождественские чтения на листах 136–144 (ранее 135–139, 139²–144). Январские чтения на 1, 7, 10, 14, 16, 17 числа заканчиваются на листе 149; после 1 января в полном виде помещены отрывки, связанные с Богоявлением.

На листе 150 помещены чтения на 24 февраля без начала и на 9 марта без конца, следовательно, между листами 149 и 150 имеется лакуна. Следующую лакуну находим между листами 150 и 151. На листе 151 содержится конец чтения на 25 марта, на 6, 23, 25 апреля и на 1, 8, 12 мая. Далее опять следует утрата, лист 152 (ранее 123) содержит чтения на 5 июня (без начала), на 12 и 14 июня (без конца). Между листами 152 и 153 также имеется существенная утрата текста. Лист 153 (ранее 164) содержит (без начала) десятое утреннее воскресное евангелие (Ин 21.4–14). Текст десятого евангелия на обороте л. 153 занимает 11 строк, далее расположена орнаментированная концовка-разделитель. Перед заставкой двенадцатая строка содержит текст, ныне не поддающийся чтению. В. Н. Щепкин видел на этой строке заголовок, написанный краской, с указанием на расположение 11-го утреннего евангелия.

Часть III кодекса занимает 12 листов пергамина, ныне листы 154–165 (в XIX в. лл. 152–163; в середине XX в. лл. 151–155, 157–163) и содержит текст одиннадцати утренних воскресных евангелий. От первого евангелия сохранился только конец (на л. 154, Мф 23.19–20). Текст части III непосредственно не примыкает к Саввиной книге. В настоящее время трудно предполагать, какой текст и в каком объеме предшествовал окончанию первого утреннего воскресного евангелия в части III. С уверенностью можно сказать лишь об утрате начала и большей части этого чтения. Текст 10-го воскресного утреннего евангелия в кодексе отчасти содержится дважды: в Саввиной книге на л. 153 (без начала) и в части III на лл. 162–164 – написан в полном объеме (Ин 21.1–14).

Часть IV кодекса, которая занимает лицевую сторону листа 166 (ранее 165) и, по мнению Е. Дограмаджиевой, содержит отрывок текста службы «на всякую потребу», часто встречающейся в апракосных евангелиях [10, с. 17–18]. По предположению В. Н. Щепкина (со ссылкой на разъяснение Г. П. Георгиевского), текст на листе 166 относится к «столпам» – особым указателям к Евангелию и Апостолу. Такие указатели иногда помещаются при древнеславянских рукописях Евангелия [4, с. 4–7].

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Основная задача палеографического и кодикологического описания каждой рукописи, как известно, заключается в комплексном исследовании тех признаков, которые помогают решить вопрос о времени, месте и об условиях создания памятника. Для этого очень важно установить тип письма, выявить границы почерков (если их больше одного), обращая внимание при этом на декоративные формы письма (декоративные буквы, вязь, лигатуры), выносные буквы, строчные и надстрочные знаки, охарактеризовать буквенно-красочное письмо красками и инициалы. В результате палеографического и кодикологического исследования всей рукописи, сравнивая приметы исследуемой рукописи с другими, можно определить место данной рукописи среди других сохранившихся до наших дней источников и благодаря этому высказать определенные суждения о месте и времени происхождения памятника. Большую ценность представляет исследование всех исправлений и дополнений в тексте, так как именно они часто существенно помогают вскрыть некоторые моменты судьбы рукописи после ее написания.

При издании рукописи очень важно сообщить читателю о всех особенностях кодекса, которые не могут быть воспроизведены в издании; следует охарактеризовать пергамен, особенности его разлиновки, рассмотреть тетради (их состав и нумерацию) и особенности почерка.

Внешний вид. Сохранность

В литературе неоднократно отмечалась скромность внешнего вида кодекса № 14. Внимание обращали на его небольшой формат, редкий для богослужебного Евангелия. И хотя пергаменные листы первоначально были несколько больше современных (поля безусловно обрезались, возможно, не один раз), кодекс среди древнейших славянских рукописей Евангелия, написанных кириллицей, выделяется своим небольшим размером. Часто говорится о простоте и безыскусности исполнения Савиной книги, эти замечания также справедливы для всей рукописи. Скромный орнамент, простота, некаллиграфичность почерков характерны для всех частей книги.

В настоящее время благодаря усилиям реставраторов кодекс приведен в порядок, можно говорить об удовлетворительной сохранности книги в целом: в ней расправлены складки пергамина, удалены пятна грязи, капли воска, подклеены разрывы, изготовлены пергаменные фальцы в местах утраты, исправлены ошибки в составе тетрадей, сделан новый переплет (см. рис. № 1). Некоторые дефекты кодекса, к сожалению, оказались неисправимыми: не удалось восстановить первоначальный цвет пергамина, ликвидировать прозрачность тонких листов.

Сохранность текста (в собственном смысле) нельзя считать удовлетворительной. Стершееся, осыпавшееся, выцветшее письмо, в разной степени пострадавшее от неудовлетворительных условий хранения, характерно для всех частей рукописи. И в силу этих причин текст часто или читается с трудом, или не поддается чтению невооруженным глазом. В некоторых случаях написанный текст полностью утрачен, иногда видны лишь контуры букв; как, например, в заглавиях евангельских чтений в части II, выполненных краской. Среди общих недочетов сохранности текста следует отметить недостаточную контрастность буквенных начертаний, чернила в них имеют белый налет, который, по наблюдениям реставратора Г. З. Быковой, образовался при предшествующей реставрации от волосков фильтровальной бумаги, прилипших к чернилам. Лучше сохранился текст в части III кодекса. Чернила на этих листах также сильно выцвели, но механические повреждения почти отсутствуют.

Некоторые листы кодекса при хранении подвергались воздействию химических реагентов, после чего приобрели голубой цвет и ныне достаточно трудно читаются. Это последний лист (166) кодекса, его текст почти не поддается чтению. Характерный голубой цвет имеют приписки на нижнем поле листов 51а и 56а (ранее 49 и 54), а также нижние и боковые поля листов 19а, 196, 20а и 21а. Почти не поддается чтению текст в части I (лл. 1–24), написанной, как говорилось выше, по плохому смытому, ранее написанному тексту. Прочтение верхнего слоя письма оказалось возможным только в лабораторных условиях с применением специального освещения.

В конце XIX в. оборот последнего листа пергамена 165-го (ныне 166-го), замечает В. Н. Щепкин, был подклеен белой бумагой [3, с. 4]. К началу реставрации 1988–1991 гг. обклейка бумагой на обороте последнего листа отсутствовала, по всей вероятности, она была утрачена при реставрации 40–60-х годов.

Переплет

В настоящее время кодекс № 14 заключен в реставрационный переплет, созданный в 1991 г. Т. Б. Рогозиной для обеспечения лучшей сохранности блока книги. Переплет изготовлен в традиционном стиле древних переплетов; он сделан из хорошо высущенных липовых досок размером 17,9 × 14,3 см и обтянут гладкой коричневой кожей. Две застежки из двойных кожаных ремешков с латунными петлями прикреплены к нижней крышке переплета с внешней стороны с помощью деревянных клиньев; латунные шпеньки, на которые надеваются петли, находятся в торце верхней крышки. Таким образом, ныне застежки плотно стягивают блок книги и способствуют лучшей сохранности пергамена и текста. На нижней крышке переплета расположены четыре латунные жуковины, они предохраняют от трения кожаные ремешки застежек. Переплетные крышки несколько выступают над блоком книги, что также способствует лучшей сохранности.

Настоящий переплет заменил предыдущий, который был изготовлен в 40–60-х годах XX в. из тонкого картона размером 17,3 × 14 см, обтянутого белым переплетным пергаменом. Застежек, скрепляющих блок книги, не было. По заключению реставраторов, этот переплет не обеспечивал должной сохранности кодекса и по стилю противоречил историческому облику древней славянской книги.

До реставрации середины XX в. кодекс № 14 хранился без переплета; И. И. Срезневский, обнаруживший кодекс, назвал его «сшивком». С уверенностью можно предполагать, что именно в виде сшивка книга в XVII в. поступила на Московский печатный двор. О бытовании кодекса без переплета свидетельствует затертость лицевой стороны первого листа и её темный цвет.

В то же время, безусловно, есть все основания считать, что первоначально рукопись, содержавшая Саввину книгу в полном объеме (без поздних утрат), была переплетена. О наличии переплета у кодекса № 14 можно судить по сохранившимся на корешке блока тем пропилам, по которым скрепляли тетради. Исходя из наличия в составе книги трех разновременных частей, мы вправе предполагать, что кодекс переплетался не менее трех раз. Предположительно существовал первичный переплет для рукописи, содержащей в полном объеме Евангелие-апракос (Саввину книгу). После утраты конца и восполнения текста в Древней Руси могли изготовить второй переплет, а после утраты начала Евангелия и нового восполнения мы вправе предполагать изготовление третьего переплета.

Однако при реставрации блока на корешке кодекса обнаружены пропилы только двух видов. Одни из них, наиболее древние, находим в тетрадях, содержащих Саввину книгу и древнейшие древнерусские дополнения (части II и III). Можно предполагать, что, после утраты конца кодекса с текстом воскресных утренних евангелий, он был дополнен в Древней Руси и эти дополнения были пришиты к блоку книги. Их, вероятно, включили в состав первоначального переплета. Другие пропилы объединяют все тетради кодекса. Следовательно, в конце XIII в.–начале XIV в. кодекс был переплетен еще

раз в полном объеме после того, как был изготовлен и добавлен новый текст вместо утраченного. Вполне возможно, что последний лист (166) был включен в состав кодекса при замене переплета. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в древности кодекс имел за свою историю только два переплета, хотя и переплелся не менее трех раз.

Переплет середины XX века был третьим. Блок книги был сшит тесьмой, каждая тетрадь была вставлена в бумажные фальцы. В нем старые пропилы блока не использовались. Настоящий реставрационный переплет является четвертым. В нем тетради сшиты между собой по старым, общим для всей книги, пропилам с помощью шнурового плетения.

Пергамен

Кодекс № 14 содержит 166 листов древнего пергамина. В настоящее время к книге добавлены в качестве переплетных еще два листа нового реставрационного пергамина: один лист в начале и такой же лист в конце кодекса (листы I, II). В соответствии со временем написания частей кодекса можно полагать, что пергамен был изготовлен в XI в. (части II и IV), XI–XII вв. (часть III) и в XIII в. (часть I). Размеры пергаменных листов едины для всего кодекса, их ширина варьируется от 13 до 14 см, а длина составляет 16,4–17 см. Это не первоначальные размеры. При соединении разновременных отрывков в одну книгу листы, безусловно, подравнивали. Об этом свидетельствует неодинаковая величина внешних полей и частично обрезанные приписки на полях. Поверхность пергаменных листов гладкая, без шероховатости, что, очевидно, позволяет говорить о едином способе выделки пергамина, хотя части II и IV были написаны на территории древних болгар, а части I и III в восточнославянских землях.

В целом кодекс написан на пергамене невысокого качества. Слова В. Н. Щепкина о «низком достоинстве» пергамина Саввиной книги (части II) применимы для характеристики пергамина всего кодекса [3, с. 10]. Листы различаются между собой по плотности, наряду с толстыми листами встречаются и очень тонкие, часто на пергамене просвечивает текст с оборотной стороны (см. лл. 113, 117, 118, 120–123 и др.). Листы пергамина изобилуют многочисленными дырами, образовавшимися при выделке пергамина до написания текста. На некоторых листах встречаются также разрывы и дыры, появившиеся после написания текста. В ряде случаев повреждения пергамина тщательно подклеены при последней реставрации. Особо низким качеством характеризуется пергамен в первой части книги. Листы отличаются интенсивным темно-бурым цветом, большинство из них довольно толстые, но встречаются и очень тонкие. Первая часть кодекса (лл. 1–24), как уже говорилось выше, представляет собой палимпсест, причем первоначальный текст был смыт недостаточно тщательно, в ряде случаев буквы первоначального текста отчетливо просматриваются на поверхности листа. Только седьмой лист в первой части не является палимпсестом, и «нижнее» письмо на нем отсутствует. Этот лист является половиной второго листа, составляя двойной лист в первой тетради.

Можно утверждать, что существенно ухудшила качество пергамина в книге неудачная реставрация в середине нашего века. Результатом её явилась прозрачность многих листов, их темно-бурый цвет. Текст, просвечивающий с оборотной стороны, создает серьезные трудности чтения. Особенно трудно читается текст на листах со смытым первоначальным письмом, так как на прозрачных листах одновременно выступают четыре слоя буквенных знаков.

Разлиновка

Текст кодекса написан в один столбец, буквы стоят на линейке. Разлиновка пергаменных листов в книге характеризуется определенным единством. Через всю страницу сверху донизу проведены

две вертикальные линии, они определяют ширину столбца и ограничивают пространство для текста (между 1-й и 2-й вертикалями) от двух боковых полей. Поперек страницы нанесены горизонтальные линии. Схема нанесения горизонтальных линеек достаточно стабильна. Через всю страницу проводятся верхняя и нижняя линия, именно они вместе с вертикалями создают рамку для текста. Остальные горизонтали обычно не выходят за ограничительные вертикали, впрочем иногда две нижних горизонтали проходят через всю страницу. Количество горизонтальных линий на странице в кодексе варьируется, в большинстве случаев их число соответствует количеству записанных строк текста.

Проколы, по которым линовались листы пергамена, сохранились лишь частично. При этом проколы для проведения вертикальных линий сохраняются чаще, чем для горизонталей. Горизонтальные линии по традиции наносились сразу на два листа; и только в части III на лл. 156, 157, 158 (и, видимо, 155) проколы для горизонталей находим на полях одинарных листов справа и слева.

Следует отметить, что в настоящее время линии разлиновки на некоторых листах почти отсутствуют. Причем не представляется возможным установить причину их отсутствия. Возможно, в данном случае утрата линий разлиновки произошла в процессе двойной реставрации.

При единстве схемы разлиновки кодекса в целом размеры площади, занимаемой текстом, и размеры полей не идентичны. В первой части (лл. 1–24) в столбце содержится по 16–18 строк текста. По вертикали размеры записанного столбца составляют 12,1–12,3 см (лист 17 имеет 12,6 см), а ширина равняется 8,6–8,9 см. Вертикальные линии разлиновки в этой части просматриваются с большим трудом, проколы для них отсутствуют, возможно, они обрезаны. Количество горизонтальных линеек не всегда соответствует количеству записанных текстом строк. Так, на листе 11 находим 19 горизонталей, а текст занимает 16 строк. Причем иногда текст располагается между горизонтальными линиями (см. лл. 11, 13, 24). На некоторых листах на внешнем поле обнаруживаем два ряда проколов для горизонталей (лл. 1, 2, 8, 13, 17, 20, 21). Можно думать, что они соответствуют разлиновке для старого (смытого) и нового текста. На листах 4, 16, 23 проколы для горизонталей отсутствуют.

Смытое нижнее письмо в части I также было написано в один столбец, размеры столбцов были существенно больше, строки имели большую длину, столбец был длинней и имел до 23–25 строк.

Описание разлиновки части II кодекса на лл. 25–153 (Саввиной книге) с достаточной полнотой было сделано В. Н. Щепкиным. Пергаменные листы разлинованы в большинстве случаев на 19 строк и только лл. 91–98 (ранее 89–96), 109 (107), 114 (112) содержат по 20 строк. Линии разлиновки в Саввиной книге в некоторых случаях почти утрачены или сохранились с одной стороны листа.

Проколы, с помощью которых проводились вертикали и горизонтали, часто отсутствуют; как правило, по нескольку проколов для горизонталей находим в верхней части листа, и лишь немногие (лл. 51, 52) сохранили 19 проколов на боковом поле. В некоторых тетрадях (лл. 33–40, 67–74) и на отдельных листах проколы для горизонталей отсутствуют. Проколы во весь лист сохранились на лл. 32 и 41. Инициалы в части II кодекса пишутся на левом поле за пределами столбца. Некоторые строки с текстом, особенно в конце чтений, иногда заканчиваются на правом поле за ограничительной вертикалью.

В части III кодекса (лл. 154–165) листы пергамена имеют по 20 горизонтальных линеек, и только лист 154 разлинован на 21 горизонталь. Столбцы с текстом несколько уже, чем в предыдущих двух частях: ширина столбца составляет 8 см, а высота 12,8 см. Лист 154 имеет более длинные строки, ширина его столбца составляет 8,4 см, а высота 13,6 см. Проколы для разлиновки в части III сохранились лучше, чем в частях I и II. Однако и на этих листах горизонтальные линии почти не просматриваются. Десять больших инициалов частично выходят влево за пределы столбцов, занимая часть поля.

Последний лист (166, часть IV) также разлинован на 19 горизонталей и две вертикали. Текст содержит 21 строку на лицевой стороне листа, причем писец писал не всегда по горизонталям, а иногда между ними.

Тетради, их состав и нумерация

Ряд тетрадей в кодексе № 14 сохранили свою первоначальную структуру и состоят из восьми листов каждая. Вместе с тем некоторые тетради утратили свой первичный объем; они содержат один, два, шесть, семь листов. В настоящее время в кодексе можно видеть 25 тетрадей, сохранившихся полностью или частично (см. схему на с. 20–21). Тетради в Саввиной книге (часть II) получили подробное описание в труде В. Н. Щепкина [3, с. 11–12], а структура тетрадей в частях I и III рукописи до сих пор не рассматривалась.

Первая часть кодекса (лл. 1–24) содержит 3 тетради по восемь листов. Вторая часть (лл. 25–153) состоит из 19 тетрадей различного объема. В третьей части (лл. 154–165) содержатся 2 тетради. Можно считать, что последний лист (166) кодекса принадлежал к особой тетради. Таким образом, кодекс имеет 25 тетрадей (3+19+2+1).

Семнадцать тетрадей кодекса в настоящее время представляют квартерионы и состоят из восьми листов. Это 3 тетради в первой части (лл. 1–8, 9–16, 17–24) и 14 тетрадей во второй части; по подсчетам В. Н. Щепкина, во второй части по восьми листов содержали 12 тетрадей. В третьей части (лл. 154–165) восьмилистные тетради не зафиксированы.

Можно утверждать, что первоначально во второй части кодекса все тетради содержали по восемь листов, и, кроме названных В. Н. Щепкиным 12 тетрадей, ранее имелось еще шесть полных тетрадей. Ныне в Саввиной книге к восьмилистным относятся тетради: IV (I), V (II), VI (III), VIII (V), IX (VI), X (VII), XI (VIII), XII (IX), XIII (X), XIV (XI), XV (XII), XVI (XIII), XVII (XIV), XIX (XVI). Тетрадь IV (у В. Н. Щепкина I) ныне содержит восемь листов (а не шесть), так как листы, ранее вшие в книгу после листа 139² и имевшие номера 140 и 141, были перенесены в первую тетрадь на полагающееся им место после листа 27 с изменением порядковых номеров на 28 и 29. От седьмой тетради (у В. Н. Щепкина IV) сохранились только два листа: 49 и 50 (ранее 47 и 48), которые были третьим и пятым в составе тетради; шесть листов (1, 2, 4, 6, 7, 8) в этой тетради утрачены. Современная тетрадь XVIII (по В. Н. Щепкину XV) содержит семь листов (лл. 131–137), а не шесть; в ней утрачен первый лист между современными листами 130 и 131 (ранее между 129 и 130). В данном случае, благодаря возможности работать с кодексом в период его реставрации, устанавливается эта поправка к наблюдениям В. Н. Щепкина. В расплетенной тетради хорошо видно, что современный лист 137 (ранее 136) является седьмым в тетради. По заключению В. Н. Щепкина, этот лист был включен первым в состав следующей XIX (или XVI) тетради, которая состояла, по его мнению, из 11 листов (лл. 136–145), включая листы 139¹, 139², 140 и 141, а предшествующая XVIII (или XV), по его мнению, имела всего шесть листов (лл. 130–135). Между тем после перенесения листов 140 и 141 (ныне 28 и 29) и отнесения 136 (ныне 137) листа к тетради XVIII, в XIX (XVI) тетради остается восемь листов: по новой нумерации листы 138–145 (ранее у В. Н. Щепкина 136, 137, 138, 139¹, 139², 140, 141, 142, 143, 144, 145).

Тетрадь XX (у В. Н. Щепкина XVII), лл. 146–151, содержит 6 листов, в ней утеряны 2 листа, пятый и седьмой в составе тетради. В. Н. Щепкин считал, что листы 152 (ранее 123) и 153 (ранее 164) являются остатками отдельных тетрадей: XXI (XVIII) и XXII (XIX).

В части III кодекса содержатся две тетради. Первая из них, XXIII по общему счету, имеет 5 листов (лл. 154–158, в XIX в. 152–156), в ней, очевидно, в начале утрачены три листа. Тетрадь XXIV (лл. 159–165, в XIX в. 157–163) содержит 7 листов, по всей вероятности, она сохранилась в исходном составе.

Часть IV составляет один лист 166, его можно считать остатком XXV тетради.

В первой (лл. 1–24) и в третьей (лл. 154–165) частях сигнатуры тетрадей отсутствуют; и только во второй части кодекса (в Саввиной книге) частично сохранилась исконная нумерация тетрадей. В соответствии с традицией буквы с цифровым значением встретились в правом верхнем углу на лицевой стороне первого листа тетради. Для десяти тетрадей сигнатуры были отмечены В. Н. Щепкиным [4, с. 11–12]. Это знаки $\text{с} = 6$ на листе 25, $\zeta = 7$ на листе 31 (ныне 33), $\text{и} = 8$ на листе 39 (ныне 41), $\text{и} = 10$ на листе 49 (ныне 51), $\text{и} = 11$ на листе 57 (ныне 59); видны остатки знаков $\text{и} = 16$ на листе 97 (ныне 99), $\zeta = 17$ на листе 105 (ныне 107), $\text{и} = 18$ на листе 113 (ныне 115). Находим буквы $\text{к} = 20$ на листе 121 (ныне 123) и $\text{кг} = 23$ на листе 146. Буквы-цифры сохранились лишь частично, большинство из них обрезаны в большей или меньшей степени. Регулярные обычно для обозначения буквенно-цифрические знаки титла над буквами сохранились в двух случаях: над буквой $\text{и} = 8$ на листе 41 (39), и над буквами $\text{кг} = 23$ на листе 146. Точки, выделяющие буквы-цифры, встретились трижды, по обеим сторонам букв $\cdot \text{кг} \cdot$ и только с правой стороны букв $\text{i} \cdot$, $\bar{\text{k}} \cdot$. В обозначении тетрадей XVI и XVII (листы 99 и 107) сохранились лишь знаки единиц буквы с и ζ , а знак десятка отсутствует, он обрезан. В настоящее время почти полностью стерта помета $\text{и} = 11$. Во время работы с рукописью в 1989–1991 гг. реставратор М. А. Волчкова обнаружила следы буквенно-цифрической маркировки на листах 83 (81) и 91 (89); очевидно это были номера $\text{д} = 14$ и $\text{е} = 15$.

Как уже говорилось выше, при реставрации 50-х годов каждая тетрадь была заключена в бумажные фальцы, при этом была нарушена структура некоторых тетрадей. Так, лист 58 (ранее 56), являющийся восьмым листом в тетради VIII (V), был подшип в качестве первого листа к тетради IX (VI). Листы 51 и 58 (ранее 49 и 56), некогда составлявшие один двойной лист, порвались на сгибе и существовали как отдельные, ныне они склеены. Тетрадь XVII (у В. Н. Щепкина XIV) исконно имела в своем составе один вложенный, не подшипный лист 123 (ныне 152); после реставрации середины XX в. этот лист был вшип между листами 122 и 124, с нарушением последовательности текста. По первоначальной нумерации листов в тетради XIX (ранее XVI) два листа были обозначены как 139 и 139а (в издании В. Н. Щепкина 139¹, 139²); после первой реставрации эти листы были вшипты в книгу с нарушением последовательности: сначала 139а, за ним 139 (т.е. 139²–139¹). Тетрадь XXIII в части III (лл. 154–158) была вшипта в тетрадь XX (ныне лл. 146–151) с изменением порядка листов и их нумерации. Эта тетрадь была вставлена после л. 150, следующий лист 151 получил помету 156, современный лист 158 в части III следовал за листом 150 из Саввиной книги и имел помету 151, а за ним были расположены листы 154–157 с пометами 152–155 (см. схему на с. 21).

Чернила, краски

Чернила в кодексе неоднородны. Часть I (лл. 1–24) написана густыми черными чернилами. Интенсивность цвета чернил стабильна, хотя можно говорить о матовом «налете» в буквенных начертках.

Чернила в части II (лл. 25–153) бурого цвета с коричневым оттенком. Они неоднородны по интенсивности. Можно с уверенностью говорить о том, что в этой части кодекса первоначальный цвет чернил не сохранился. Они выцвели и поблекли. Кроме того, некоторые буквы имеют сероватый налет, который, видимо, явился следствием неудачной реставрации.

Часть III написана также чернилами бурого цвета с коричневым оттенком. Они бледные, сильно выцветшие, производят впечатление нескольких «разбавленных». О первоначальном цвете и интенсивности чернил на последнем листе кодекса в настоящее время судить трудно. Письмо характеризуется очень плохой сохранностью, чернила пострадали от химического реактива, применявшегося в XIX в.

Краска желтовато-розового оттенка встречается в кодексе только в Саввиной книге. Её обстоятельное описание было сделано В. Н. Щепкиным. Краска применялась при исполнении больших и малых инициалов, заставок и при написании заглавий. В настоящее время красочный

слой почти полностью утрачен. Контуры больших и малых инициалов, а также контуры заставок выполнены чернилами. В. Н. Щепкин считал, что в качестве краски в основном использовался сурик [4, с. 16]. В химической лаборатории ВНИИР при реставрации кодекса уточнили состав красок и установили, что розовая подкраска в инициалах и заставках является смесью киновари и сурика. Желтая краска в заголовках оказалась желтой охрой. В настоящее время зрительно о цвете и интенсивности краски судить не представляется возможным.

В I-й, III-ей и IV-й частях кодекса употребление краски не было предусмотрено. Следует заметить, что в ныне смытом письме части I применялась киноварь. Красочные инициалы и заглавные буквы просматриваются в настоящее время в «нижнем» письме на лл. 3, 6, 10, 11 с лицевой стороны.

Орнамент

Орнаментирован кодекс № 14 очень скромно (см. таб. 1–3 на вклейке). Из украшений отмечены инициалы, небольшое количество заставок-разделителей (в части II), несколько маргинальных выделительных знаков (в части III). Орнаментация всех частей кодекса может быть отнесена к старовизантийскому стилю, несмотря на различное время их написания. В. Н. Щепкин, анализируя инициалы Саввиной книги, пишет о том, что их исполнение отличается «отсутствием красивых форм» [4, с. 26]. Это замечание следует отнести ко всем элементам орнамента кодекса. В первой и третьей частях кодекса украшения выполнены чернилами без применения красок. Во второй части (в Саввиной книге) в орнаменте применялась краска. К сожалению, ныне красочный слой почти всюду утрачен.

Среди инициалов в кодексе, как и следует ожидать, преобладают буквы **В** и **Р**. В первой части кодекса на лл. 1–24 встретились 11 больших инициалов. Они отмечены только во второй и третьей тетрадях (лл. 9–24). Из них 6 раз написана большая буква **В** (9а, 10б, 12а, 15б, 22а, 24а); 4 раза написана **Р** (16б, 17б, 19а, 20а) и один раз **Г** (13б). Инициалы сравнительно небольшие, в той части, которая располагается в пределах столбца, они занимают пространство в одну-две буквы. Интересно, что инициал **В** 9а расположен на внешнем поле за столбцом. В первой тетради (лл. 1–8) большие заглавные буквы отсутствуют, однако их исполнение, безусловно, предусматривалось. Для них в столбце оставлено специальное место и можно утверждать, что должны были быть исполнены еще четыре инициала: **И** 1б, **Б** 3а, **В** 4а, 7а. По всей вероятности, именно эти инициалы в соответствии с оставленным для них местом имели бы наиболее украшенные элементы. Все инициалы отличаются простотой и безыскусностью исполнения. Облик буквы четкий и легко узнаваемый. Мачты и петли написаны в двойном контуре, они украшены традиционно повторяющимися уголками, небольшими гребешками, иногда перемычками и уступами. Чернила по цвету и интенсивности не отличаются от чернил основного письма. Все инициалы выполнены в одной художественной манере и, по всей вероятности, принадлежат руке одного мастера (может быть, кроме **В** 9а). Есть все основания предполагать, что мастер-рисовальщик не обладал высокой квалификацией, скорее всего им был писец текста. У него не всегда правильные пропорции инициалов (например, **В** 12а, 15б, 22а, **Р** 19а): длина и ширина мачты в них не соответствует размерам петель. Украшенная большая буква **В** 9а расположена в тексте, написанном вторым дополнительным почерком; на наш взгляд, этот инициал наиболее пропорционален и соразмерен, что позволяет думать о принадлежности его исполнения руке писца, писавшего вторым дополнительным почерком (об этом см. ниже).

Подобные инициалы достаточно часто встречаются в скромных по исполнению древнерусских рукописях XI–XIV вв., и, следовательно, их употребление не противоречит предложенной дате написания части I: конец XIII – начало XIV века.

Украшения в третьей, древней восточнославянской, части кодекса (лл. 154–165) отличаются большим разнообразием в сравнении с первой частью. Кроме инициалов встречаются маргинальные

выделительные знаки в начале евангельских отрывков, несколько заголовков этих отрывков написаны особыми заглавными буквами. Все элементы орнамента также выполнены чернилами, без применения красок; в стилистическом отношении они также принадлежат старовизантийскому орнаменту. Инициалы в этой части выделяются большей пропорциональностью, хотя и их исполнение характеризуется простотой и некоторой бедностью исполнения. Все инициалы несколько вытянуты в длину, их высота занимает расстояние обычно в четыре строки, а ширина в той части, которая расположена в пределах текста, как правило не превышает величину одной-двух строчных букв. На внешнем поле за столбцом располагаются мачты инициалов. Наибольшей простотой исполнения отличаются инициалы в XXIII тетради (лл. 154–158). Так, петли **В** 154а, 155б выполнены одной тонкой линией, а на лл. 154б, 155б получают вторую линию, украшающую петли. Вертикали инициалов в этой тетради выполнены в двойном контуре с простыми перемычками. И только у мачты **В** 155б внизу появляется мотив византийской ветки. В последней, XXIV, тетради (лл. 159–165) рисунок инициалов несколько сложней и разнообразней. При исполнении вертикалей увеличивается количество перемычек, появляются традиционные гребешки и украшенные петли. Мачты становятся шире, они получают третью линию с теми же уступами и перемычками. Можно видеть элементы простого плетения в мачте **В** 164а, а снизу мачты **В** 160б украшена трилистником, напоминающим соответствующую орнаментацию в части II кодекса.

В начале восьми евангельских отрывков встретились на поле украшенные выделительные знаки (155б, 156б, 158б, 159б, 160б, 161б, 162б, 164а). Эти маргинальные знаки, фиксирующие начало отрывка, также выполнены из очень простых графических элементов: пересекающихся прямых линий, полу-дуг, черточек, уголков и точек. Заголовки некоторых евангельских отрывков написаны буквами большего размера. Буквы в заглавных строках для 2-го, 3-го, 4-го утренних евангелий почти не отличаются по величине от обычного строчного письма. В заглавиях следующих шести евангелий буквы, слегка увеличены и имеют элементы украшений в виде дополнительных линий. А заглавие 7-го евангелия можно считать выполненным «малыми инициалами» (159б). Буквы по высоте занимают расстояние между двух строк, они выполнены в двойном контуре. Впрочем, этот заголовок расположен в конце страницы, на строках 19–20. Нельзя исключить стремление писца заполнить заглавием оставшееся свободным место на странице.

Орнамент Саввиной книги, древнейшей части кодекса (лл. 25–153), давно и неоднократно привлекал внимание специалистов. Много внимания его исследованию уделил в своей монографии В. Н. Щепкин [3, с. 15–27]; его суждения о специфике украшений в Саввиной книге, заключения о формировании художественного стиля древнеславянского орнамента не потеряли значения до настоящего времени.

От двух других частей кодекса Саввина книга отличается большим разнообразием орнаментики. Это многочисленные большие и малые инициалы, заставки (концовки)-разделители. Встречаются маргинальные знаки. Они очень простые с чисто технической, выделительной функцией; однако с известным допущением эти знаки можно квалифицировать как элементы орнамента. В. Н. Щепкин, рассматривая художественные мотивы в Саввиной книге, пишет о том, что все элементы орнамента в заставках и инициалах «исполнены не тщательно» [3, с. 15]. Именно в этой части кодекса в украшениях применялись краски, ныне почти утраченные.

Инициалы, как и в других евангелиях-апракосах, в подавляющем большинстве случаев представлены буквами **В** и **Р**. Все они написаны чернилами в двойном контуре, внутри контурных линий употреблялась подкраска. Графический облик букв в инициалах очень четкий и легко узнаваемый. Их высота соответствует расстоянию в 3–5 строк, а ширина (кроме **W** 143а, **K** 136б) не превышает расстояния в 2–3 буквы. В большинстве случаев инициалы производят впечатление несколько вытянутых в длину. Они располагаются на левом поле, вне столбца, и лишь для немногих инициалов обнаруживаем

заранее предусмотренное пространство внутри столбца (см. **W** 143а, частично **П** 87а). Немногочисленные элементы украшений расположены вне конструкции буквы. Мачты и овалы инициалов внутри почти не украшались. Скорее к исключениям относятся инициалы **I** 141а; **П** 87а, 100б; **К** 136б; **З** 145б, мачты которых прямыми линиями «разбиваются» на клетки и украшаются «округлостями» (кроме **З**) снизу и иногда сверху.

В. Н. Щепкин, анализируя украшения, выделял элементы растительного орнамента (преимущественно для **P**) и зооморфного (обычно для **B**). Он считал, что эти инициалы создаются «путем механического применения простейших мотивов византийского стиля и путем введения мотивов народных» [3, с. 26]. Кроме украшенных инициалов довольно часто встречаются большие заглавные буквы без орнаментальных элементов, в них применялись только краски. Общий облик инициалов стабилен для всей части II. Заглавные буквы могут различаться наличием или отсутствием внешних элементов орнамента. Количество вариантов невелико, много идентичных начертаний. Все начерки заглавных **B** или **P** близки между собой и легко узнаваемы. По типу и стилю исполнения инициалы **B** и **P** в Савиной книге обнаруживают несомненную близость к инициалам в нижнем кириллическом письме Ватиканского палимпсеста (Vat. gr. 2502) [17].

В общем облике начертаний инициалов наблюдается безусловное сходство с начертаниями строчных букв. Мачты инициалов, как и у строчных букв, также пишутся с небольшим наклоном вправо (кроме инициала **W** 143а). Все инициалы **P**, независимо от наличия или отсутствия орнаментальных украшений, имеют сравнительно узкую небольшую головку и довольно длинную ножку. Головка **P** вверху завершается острым уголком и почти под прямым углом присоединяется к ножке снизу. У инициала **B** верхняя петля всегда уже и короче нижней, петли не соединяются между собой, а присоединяются к мачте на значительном расстоянии друг от друга. Все инициалы **B** внизу в основании имеют прямую линию. Начертания инициалов **П**, **W**, **I**, **Z** также по своему характеру близки к начеркам строчных букв. И только у инициала **K** 136б обнаруживаются незначительные различия: правая часть буквы почти присоединяется к левой мачте и уголок в правой части сделан ниже, чем обычно у строчной буквы **к**. Таким образом, наши наблюдения подтверждают заключение В. Н. Щепкина о том, что «...вряд ли можно сомневаться, что сам писец рукописи рисовал и ее орнаменты» [3, с. 22].

Кроме «больших» инициалов, употреблявшихся в начале отдельных евангельских отрывков, в тексте, часто в середине строки, встречаются так называемые малые инициалы. Они представляют собой по своим начертаниям увеличенные буквы устава, сохраняют его пропорции и характер начертания. Это позволяет считать, что малые инициалы также исполнялись писцом непосредственно в процессе написания текста. Мачты этих инициалов также выполнены в двойном контуре, внутри которого сохраняются следы подкраски. Высота их может быть различна, часто она равняется расстоянию в две строки. Верхняя граница малых инициалов не выходит в большинстве случаев за пределы высоты строчных букв, снизу они опускаются в межстрочье, а иногда доходят до нижней строки.

В Савиной книге встретились десять заставок. Их исполнение также отличается простотой, иногда известной примитивностью, отсутствием сложных художественных элементов. Заставки подробно анализируются В. Н. Щепкиным [3, с. 16–22]; он рассматривает их соотношения с простыми заставками в древних глаголических и византийских рукописях и делает вывод об общности их возникновения под влиянием простейших народных мотивов. Три заставки занимают в длину целую строку 75б, 124б, 144б, семь остальных – только правую половину строки, а слева представляют прямую линию. Длина заставок или, скорее, концовок, расположенных в правой половине строки, зависит от величины пробела, оставшегося в строке.

Девять заставок или концовок представляют собой типичные разделители, и только одну из них, десятую, на л. 124б можно считать заставкой, отмечающей начало текста. Она отличается большими размерами, её высота соответствует расстоянию между двух строк и имеет орнаментальные навершия,

к сожалению, сверху ныне обрезанные. Простая зигзагообразная линия представлена в заставке на л. 144а. При исполнении всех заставок употреблялись чернила, не отличающиеся по цвету и колориту от чернил основного письма. Все заставки (кроме зигзага на л. 144а) заключены в чернильные прямоугольники. Чернилами же заполнен фон у заставок 756, 1246, 135а и 153б. В этих заставках представлено традиционное жгутовое плетение. Заставка на л. 151б, по определению В. Н. Щепкина, содержит «змеевидную полосу», сделанную в двойном контуре. Две заставки 132а и 134б выполнены косыми линиями с наклоном попеременно в разные стороны. Заставка на л. 151а представляет небольшие клетки. Прямоугольник заставки на л. 150а заполнен небольшими чернильными зигзагами. На полях справа и слева все заставки оканчиваются украшением, содержащим традиционный византийский мотив «ветки» (кроме заставки на л. 135а, которая справа не имеет украшения). Этот растительный мотив выполнен не тщательно и может варьироваться. По наблюдениям В. Н. Щепкина, заставки украшались палевой, желтой, розовой красками и темным суриком. В настоящее время краски почти полностью утрачены и лишь в некоторых случаях можно видеть следы подкраски, иногда в виде грязных пятен неопределенного цвета.

На левом поле у некоторых строк на пятнадцати листах находим традиционные выделительные знаки, они отмечают, где находится текст, в данном месте приведенный не полностью. Эти знаки выполнены чернилами, они состоят из четырех точек, расположенных ромбом. На л. 27б около этих знаков (вверху и внизу) выполнено украшение, в котором также можно видеть примитивный мотив ветки.

Письмо

Известно, что палеографическое исследование письма древней славянской рукописи имеет большое значение при определении времени и возможного места её написания; в ряде случаев палеографический анализ позволяет установить условия создания конкретного рукописного источника и сделать выводы о его истории. Всесторонний анализ почерка (или почерков, если их более одного) содержит часто наиболее надежные данные, позволяющие определить место исследуемой рукописи (её почерка) в кругу других сохранившихся источников. Преимущественное значение при этом имеет сравнительный анализ с почерками тех рукописей, которые содержат в себе сведения о времени и месте создания. К сожалению, в большей части славянского рукописного наследия подобные записи отсутствуют. Их нет и в исследуемой рукописи. Именно поэтому заключения о «времени» и о «месте» написания отдельных частей кодекса № 14 можно сделать только в сопоставлении письма кодекса с другими рукописями.

Текст кодекса № 14 написан сплошным письмом без разделения на слова. В целом письмо кодекса, несмотря на разновременность создания его частей, обладает общими признаками древнеславянского кириллического устава. В каждой части устав характеризуется соразмерностью буквенных начертков, стабильностью их исполнения. Все письмо двулинейное, писцы строго соблюдают границы верхнего и нижнего уровня строки. Начертания букв геометричны; все прямые линии (вертикальные мачты, горизontали, наклонные) не имеют кривизны, а округлые, как правило, содержат элементы правильной дуги. Буквы своим основанием стоят на строке. Для письма отдельных частей кодекса характерны установленные типы начертаний. В каждой части расположение букв в строке единообразно. Облик записанной строки, как правило, ровный, ритмичный. Достаточно четко соблюдаются границы столбцов, отделенных от боковых полей справа и слева вертикалями.

Часть II. Саввина книга. Письмо Саввиной книги, древнейшей части кодекса, неоднократно привлекало внимание исследователей. Об особенностях письма писали первые публикаторы текста – И. И. Срезневский [2, с. 5], В. Н. Щепкин [3, с. 27–69]; к его рассмотрению обращался П. А. Лавров [14, с. 29–32]. Отдельные наблюдения и замечания о почерке Саввиной книги встречаются в

трудах, посвященных славянской палеографии, описанию древнеславянских кириллических рукописей и в некоторых трудах по истории славянских языков. Все исследователи, обращавшиеся к почерку Саввиной книги, единодушно признавали, что весь текст написан одним писцом. Некоторые различия в почерке, известные еще по наблюдениям В. Н. Щепкина, объяснялись внешними «механическими» причинами. Эти колебания зависели от качества поверхности пергамена, пера, чернил [9, с. 14].

При характеристике почерка Саввиной книги не раз отмечалась известная простота начертаний. И действительно, в уставе части II кодекса отсутствует строгая каллиграфичность и архитектурность, известные нам по письму ранних торжественных богослужебных книг. И. И. Срезневский устав Саввиной книги называл «небрежным» [2, с. 5]. О простоте письма в рукописи писал и В. Н. Щепкин, усматривая в нем «в известном смысле» элементы «скорописи» [3, с. 14]. Нам представляется, что определение типа письма в Саввиной книге как «небрежное» не вполне правомерно. Почерк Саввиной книги ровный, уверенный (это отмечалось и В. Н. Щепкиным), в целом письмо кодекса свидетельствует о хорошей выучке писца, о достаточной для своего времени грамотности. Также, на наш взгляд, оказывается не вполне удачным предложенное В. Н. Щепкиным название «скоропись» для определения некоторых элементов письма Саввиной книги, так как наименования «скоропись», «скорописное» письмо получили в палеографии значение термина для определения особого типа почерка, известного в поздних славянских рукописях (XIV–XVIII вв.) и очень далекого от письма Саввиной книги. По нашему мнению, больше оснований квалифицировать письмо Саввиной книги как «спешное», созданное для практических целей (но не небрежное). Известная поспешность исполнения, думается, проявляется в многочисленных описках писца, пропусках в тексте отдельных букв, буквосочетаний, слов и выражений. Во многих случаях пропуски и описки исправлялись самим писцом; пропущенное надписывалось над строкой, реже под строкой или размещалось за пределами столбца.

Элементы букв, выходящие за пределы строки, зрительно не нарушают двулинейности письма, междустрочье производит впечатление «чистого». Буквы не выходят вверх за границы строки (кроме «усиков» буквы ȝ). Надстрочный знак в виде маленькой дужки и знак титла встречаются не часто. Под строку традиционно опускаются хвосты букв ȝ, ƿ, Ӄ, знака ȝ, небольшие ножки Ԁ, вертикали букв Ӄ, ӄ (буква ӄ иногда пишется почти вся в строке). Не раз отмечалось, что буквы в строке написаны с небольшим наклоном вправо, к концу строки. Это свойство письма позволило назвать устав Саввиной книги «скошенным» или «наклонным». Подобный характер письма характерен для подавляющего большинства древнеболгарских рукописей старшей поры. Наклонный «спешный» (не вполне «калиграфичный») устав известен, например, в таких древнейших болгарских рукописях, как Энинский Апостол (София, НБКМ, № 1144), Листки Ундольского (Москва, РГБ, фонд 310, № 961), Хиландарские листки (Одесса, ОГНБ, 1/1 533), Македонский кириллический листок (СПб., БАН, 24.4.16) и некоторые другие (см. рис. № 3). Наибольшая близость почерка Саввиной книги обнаруживается к кириллическому (нижнему) письму Ватиканского палимпсеста (Vat. gr. 2502); в этой рукописи греческий текст написан по соскобленной кириллице. Сходство настолько значительно, что, на наш взгляд, можно говорить, если не о почерке одного писца, то о почерке безусловно очень близком к письму Саввиной книги [17]. Наклонным, но строго каллиграфическим уставом написана и знаменитая Супрасльская рукопись (СПб., РНБ, Qn.I.72). Наклонные (косые) почерки встречаются, хотя и с меньшим распространением, в древних восточнославянских рукописях; известны среди них и некаллиграфические («спешные») почерки. Так, безусловную типологическую близость с уставом Саввиной книги обнаруживают некоторые почерки в рукописях Пандектов Антиоха XI в. (Москва, ГИМ, Воскр. 30; см. рис. № 4–5), Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского (Москва, ГИМ, Син. 478), Синайского патерика (Москва, ГИМ, Син. 551; см. рис. № 6), Изборника 1076 г. (СПб., РНБ, Эрм. 20).

При некоторой «спешности» буквенных начертаний, в целом определение почерка Саввиной книги как устава отвечает всем признакам этого типа письма. Для устава части II кодекса характерен

единий тип начертаний; буквы стабильно пишутся в одном варианте и имеют постоянное соотношение ширины и высоты.

ширины и высоты.

При рассмотрении особенностей устава следует заметить, что в нем имеется письмо, буквы которого написаны не чернилами, а краской. Красочного письма немного. По традиции оформления древних кодексов краской выполнены заголовки евангельских чтений. По своим начертаниям буквы в заголовках (где они сохранились) не отличаются от буквенных знаков, написанных чернилами. Вместе с тем, они часто могут отличаться от строчного письма размерами. Буквы в заголовках бывают несколько меньше. Величина букв в них зависела от размеров оставленного места, на котором писец должен был расположить заголовок.

Строчное письмо в Савиной книге по величине буквенных знаков неоднородно. Евангельский текст написан достаточно «крупными» буквами, их высота составляет 0,4–0,42 см. Буквами меньшего размера, но также чернилами выполнены уставные указания. Высота букв этого «среднего» письма часто не превышает 0,25–0,3 см. Высота букв в заголовках, написанных красками, может быть еще меньше и не превышать 0,2 см. Полагаем вполне правомерным различать крупное, среднее и мелкое письмо. Таким образом, писец при необходимости мог варьировать величину букв устава, при этом пропорции знаков и принципы их начертания оставались неизменными.

Состав букв устава в Савиной книге известен. Некоторые разнотечения в его определении у разных авторов легко объяснимы. Так, И. И. Срезневский, В. Н. Щепкин относили к буквам только знаки со звуковым значением. Заметим, что, на наш взгляд непоследовательно, считали самостоятельными буквами начертания, различающиеся только надстрочными знаками, (например І, і, і). П. А. Лавров в последовательный ряд букв включает и знаки с цифровым значением, что не меняет сути и вполне правомерно при палеографическом исследовании.

В Саввиной книге употребляются буквы:

Традиционно употребление букв в цифровом значении с общепринятыми дополнительными знаками. Знак титла над цифрой ставится регулярно. Однако точки по обеим сторонам буквы употребляются с меньшей обязательностью, часто встречаем точку, поставленную только с одной стороны, или встречаются написания без точек. Полагаем, что в каких-то случаях можно с уверенностью говорить об утрате точек, их отсутствие объясняется плохой сохранностью письма. Для обозначения цифры шесть писец употребляет знак **с** (зело) с головкой, повернутой вправо, и один раз встретилось написание с головкой влево **с** 63б. Для обозначения 60 употребляется буква **к** (кси), а для 90 – буква **ч** (коппа). При обозначении цифр второго десятка знаки единиц предшествуют букве-цифре **и**, например, **и** 62610, **и** 149614, **и** 13668 и т.д. Один раз встретилось написание **и Г Г** 135а8.

Почерк Саввиной книги рассматривался, как уже говорилось, неоднократно. И. И. Срезневский более ста лет тому назад в первом описании обратил внимание на особенности начертания букв **ж**, **з**, **к**, **у**, **м**, **а**, **я**. При этом он замечает, что рисунок букв в рукописи ему «напоминает более всего рисунок Сборника 1073 года, только гораздо грубее» [2, с. 5. Ср. также с рис. 9 в настоящем издании.]. Письмо Саввиной книги было обстоятельно проанализировано В. Н. Щепкиным. Особое внимание автор обращает на те начертания устава, которые помогают высказать суждение о приметах письма непосредственного оригинала. Как уже говорилось, В. Н. Щепкин доказывает, что оригинал Саввиной книги был написан глаголицей [3, с. 57–69]. Почерк Саввиной книги исследует П. А. Лавров, сравнивая устав рукописи с письмом других древнейших южнославянских памятников. В более поздних работах приметы устава Саввиной книги привлекались избирательно, лишь для аргументации отдельных положений. Обобщая наблюдения предшественников и опираясь на их заключения, остановимся как на тех приметах, которые позволяют датировать письмо, так и на индивидуальных особенностях почерка.

По составу букв и по их начертаниям письмо в Саввиной книге характеризуется интересными особенностями. Так, обращает на себя внимание отсутствие букв *с*, *е* (зело) и *з* (земля перечеркнутая), обычно встречающихся в других древнеболгарских рукописях. В Саввиной книге употребляется только одна буква *з*, хотя писцу знак *с*, *е* был известен. В рукописи употребляется одна только буква *џ*, написание *шт* не встречается. Единственное исключение – написание *Ш – имжюмоу* 65а (ранее 63а), здесь знак *т* написан над *ш*, соединяясь со средней вертикалью *ш*. Наличие этого написания объясняется спецификой места в строке и является вынужденным: дыра на пергамене расположена строго под знаком *ш*, писец не мог поэтому продолжить среднюю вертикаль буквы вниз.

В числе своеобразных особенностей почерка следует отметить начертание буквы *и*: вертикаль йотации буквы опускается от левого уголка верхней части обычного *ж*. Облик последнего вполне традиционен для древних кириллических рукописей. Напомним, что само по себе употребление буквы *и* в древнейших болгарских рукописях встречается не часто; так, она отсутствует, например, в рукописях Енинского Апостола (см. рис. 7), в Листках Ундолльского, в Македонском кириллическом листке (см. рис. 3). В тех древнейших рукописях, в которых употребляется *и*, например, в Супрасльской рукописи, в Хиландарских листках, начертание буквы не отличается от начертаний других йотированных букв с отдельно стоящим знаком йотации и соединительной горизонталью, расположенной по середине строки.

Для обозначения юса малого в рукописи зафиксированы три знака: *ѧ*, *ѧ*, *ѧ*. Упоминаемый И. И. Срезневским знак *ѧ* на л. 31618 (ныне 33б) В. Н. Щепкин считает ошибкой И. И. Срезневского и видит в нем недописанный знак *ѧ* [3, с. 41]. Буква в этом примере не имеет нижней горизонтали. В. Н. Щепкин рассматривает единичное начертание на л. 101613 (ныне 103б) и признает его появление случайным [4, с. 41]. На наш взгляд, это начертание появилось при исправлении писцом ошибочно начатой буквы *о*, присутствующей в предшествующем и последующем слогах. Левая часть дуги овала *о* оказалась внутри треугольника, она сохраняет свою округлость. Буква *ѧ* употребляется в Саввиной книге только после букв гласных и в начале слова, фонетически она обозначает сочетание **je*, следовательно, этот знак выступает в функции *и*. Буквы *ѧ*, *ѧ* употребляются только после букв согласных (за небольшим числом исключений); причем буква *ѧ* встречается значительно чаще, чем *ѧ*. Заметим, что, на наш взгляд, благодаря общей тенденции спешности письма именно знаки *ѧ*, *ѧ*, *ѧ* часто смазаны и имеют вид в большем или меньшем объеме затекшего треугольника. У знаков *ѧ* и *ѧ* вертикаль опущена иногда не из центра горизонтали, а проведена как бы сбоку (справа или слева), очевидно, без отрыва пера, см., например, *пръходатъ* 53а11, *са* 75а11, *връмъ* 48а15. В некоторых случаях горизонталь на нижнем уровне строки, возможно, появилась из-за расплывшихся чернил по линии разлиновки столбца. Отмеченные В. Н. Щепкиным случаи исправления юса малого из *е* чаще относятся к знаку *ѧ*, например, *хода* 34а3, *прнвадано* 86а5, *са* 90б19, *ядатъ* 113а18, но встречаются и исправления *е* на знак *ѧ*: *ѧзыкъ* 52а3, *дроѹгъмъ* 52а6. Не часто встречается буква *ѧ* на месте ожидаемых *ѧ*, *ѧ*; например, *прнѧша* и *разѹмъша* 26а14, *вашъ* 32а11.

Четкое распределение букв *ѧ* и *ѧ* не установлено, они представляются дублетными, вполне заменяющими друг друга. Однако можно видеть, что *ѧ* часто встречается ближе к концу строки, эта буква почти всегда пишется на меньшем пространстве, она уже, чем *ѧ*. Для ряда написаний представляется правомерным предположение об отсутствии у писавшего возможности опустить еще вертикаль внутри треугольника; при толстом очищенном пере буква окажется смазанной.

Буквы *ѧ*, *ѧ*, *ѧ* известны и в других древнейших рукописях, наибольшим распространением из них пользуется *ѧ*, встречающаяся в подавляющем большинстве памятников. Достаточно последовательная дифференциация употребления *ѧ* (*ѧ*) и *ѧ* в Саввиной книге представляет ее своеобразную особенность. Так, в Хиландарских листках встречаются только две буквы *ѧ* и *ѧ*, но их употребление существенно отличается от Саввиной книги: *ѧ* пишется после букв согласных, *ѧ* в начале слова и после

гласных. Ближе к нормам Саввиной книги употребление двух букв **ѧ** и **ѧ** в Супрасльской рукописи: **ѧ** встречается после гласных и в начале слова, а **ѧ** после согласных. В Македонском кириллическом листке по преимуществу употребляется знак **ѧ** в любом положении, но три раза встретилась буква **ѧ**.

К числу специфических особенностей графики Саввиной книги относится пристрастие писца к употреблению знака **Ѡ**, наряду с диграфом **ѹ**. Буквы дублетные, они часто взаимно заменяют друг друга, например, **ѹко** – **Ѡко** и т.д. Буква **Ѡ** встречается в различных графических условиях в слове и в строке. Эта буква известна во многих древнеболгарских рукописях, но не имеет такого распространения; обычно в них **Ѡ** пишется в конце строк, скорее всего, ради экономии места. Многочисленные написания с **Ѡ** в Саввиной книге В. Н. Щепкин объяснял «деловым характером» письма. Рассматривая особенности начертания **Ѡ**, В. Н. Щепкин определяет две его разновидности: в одной знак пишется «одним движением» (как 8), в другой – в два приема – над овалом **ѹ** ставится «угол». Этот угол всегда непосредственно соприкасается с **ѹ**. Полагаем, что возможен и еще один вариант начертания. Над строчным знаком **ѹ** пишется левая часть угла, она всегда делается толстой линией и частично проходит справа по дуге **ѹ**, а потом в точке пересечения присоединяется правая часть угла, иногда она имеет вверху небольшой отворот вправо. Многочисленные примеры употребления **Ѡ**, на наш взгляд, позволяют предположить, что в некоторых случаях (а может быть, в большинстве) этот знак появляется в качестве исправления собственной ошибки писца. Писец замечает пропущенную часть диграфа **ѹ** и надписывает ее сверху.

В Саввиной книге употребляются буквы **ъ** и **ь**. Особенности их начертания в свое время подробно проанализировал В. Н. Щепкин [3, с. 38]; отличительными признаками буквы **ъ** он считал сравнительно больший наклон мачты вправо и горизонтальный отворот влево на верхнем уровне строки. Эта горизонталь иногда писалась с декоративным штрихом, опущенным вниз. Наклон мачты вправо у буквы **ь** не отличался от наклона вертикалей других букв. Далее В. Н. Щепкин обратил внимание на особый «угловатый» облик петли **ъ** и отсутствие «угловатости» у петли **ь**. Заметим, что «угловатость» петли **ъ** не может являться, на наш взгляд, определяющим признаком, так как это качество зависимое и определяется наклоном мачты. Встречаются начерки **ъ** с обычной круглой петлей при вертикальной мачте. Кроме четко различающихся знаков В. Н. Щепкин обращает внимание на «переходные» знаки. Дело в том, что принцип графической дифференциации выдерживается далеко не всегда. Встречаются начерки **ъ** с почти прямой мачтой, имеющей лишь общий с другими незначительный наклон вправо, но всегда с четким отворотом влево; отмечены также начерки **ь** с мачтой, имеющей значительный наклон вправо, но без отворота влево. Встречаются начертания, трудно поддающиеся четкому определению. В данном случае специфика начертаний букв позволяет, на наш взгляд, подчеркнуть, что у писца части II кодекса отсутствовали строгие критерии выбора одного знака в тех или иных конкретных случаях. Заметим, что наличие вариантов начертания **ъ** и **ь**, характерное для этих знаков, может отражать определенный этап развития фонетической системы языка писца.

Буква **ы** пишется как сочетание знака **ъ** (ер) с вертикалью, соединительная линия между ними отсутствует. Один раз встретилось написание с двумя точками над вертикалью – **ыї** 70а16, в этом случае знак **ї** написан выше строчных букв из-за дыры на пергамене. Один раз писец по подскобленному пергамену употребил сочетание **оі** – **ѧѡікомъ** 142612.

В числе древнейших начертаний следует отметить начерки букв **ѡ** и **ѡ**. У буквы **ѡ** вертикальная мачта не выходит за пределы строки, горизонталь занижена, она располагается часто непосредственно над петлей буквы и как бы лежит на ней. Встречаются начерки и с приподнятой горизонталью. Буква **ѡ** пишется с высокой серединой, равной по высоте строчным буквам, и с не разведенными петлями. Примечательно, что в евангельском тексте писец не употребляет диграф **ѡ** и пишет **ѿ/ѿъ** строчными буквами. В то же время написание **ѡ** писцу было известно. Оно регулярно встречается в заголовках, в уставных отсылках (в среднем и мелком письме), безусловно принадлежащих руке

писца. Один раз встретилось также в уставной отсылке написание диграфа с обычным о в строчной части б 13469.

Буква ф в строчном письме кодекса не употребляется. Один раз она в традиционно архаическом облике, в виде креста, встретилась в приписке на нижнем поле листа 51а (ранее 49): по сава талъ (см. рис. 2). К сожалению, это написание нельзя безоговорочно считать принадлежащим руке писца. Вместе с тем употребление в приписке буквы пси в виде креста служит определенной хронологической приметой и свидетельствует о раннем времени написания Савиной книги.

К числу древнейших следует отнести начертание буквы а (и правой части буквы я). Эта буква имеет слегка наклонную влево довольно толстую спинку и небольшую треугольную петлю. Петля начинается несколько отступив от верха спинки и оканчивается уголком. Обычно петля не доходит до нижнего уровня строки.

Буква ж регулярно пишется в три приема и составлена из трех прямых. Две пересекающиеся наклонные перечеркнуты в точке пересечения вертикалью. Точка пересечения находится на уровне середины высоты буквы. Вертикаль иногда может быть сдвинута вправо или влево от точки пересечения. По ширине и высоте буква может быть вписана в квадрат.

Перечисленные начертания характерны для древнейших славянских рукописей, в том числе и для древних датированных восточнославянских рукописей.

Петли букв ъ, ъ, ъ, ъ и нижняя петля в невысокие округлые, они составляют примерно треть высоты буквы. Верхняя горизонталь у в всегда длиннее нижней, она как бы «прикрывает петлю». Обе петли у в небольшие, они не соприкасаются, между ними всегдаходим свободное пространство (вертикаль как бы делится на три части, петли расположены в пределах верхней и нижней трети).

Перекладины у букв и, и часто завышены. У буквы и перекладина прямая. Перекладина у и начинается немного отступив от верхнего конца левой мачты, она пишется с небольшим наклоном вправо и касается правой мачты в её середине или несколько выше. Горизонтали букв ю, ю расположены на середине высоты, у буквы к перекладина переходит в язычок. Перекладина я несколько завышена, хотя и менее ожидаемого. Её левая мачта имеет небольшой наклон вправо.

Буква у составлена из глубокой чаши на невысокой ножке. Чаша обычно округлая, со слегка загнувшимися внутрь краями. Иногда рисунок чаши приобретает некоторую угловатость. Чаша симметричная, ножка стоит в центре, её высота не превышает середины строки, но может быть ниже. У буквы м широко расставлены мачта и изогнутое колено. Нижняя часть, более длинная, соединяется с верхней линией почти под прямым углом в верхней части строки. В своё время И. И. Срезневский назвал правую часть буквы м «косо стоящей буквой г». Буква р пишется с узким овалом, расположенным в строке на довольно длинной ножке. Ножка плавно переходит в овал, возможно, буква писалась начиная с ножки без отрыва пера, снизу вверх, переходя в овал. У буквы м петля округлая, мачты пишутся с одинаковым наклоном вправо. У левой мачты петля на верхнем уровне строки имеет небольшое «плечо»; гораздо реже встречаются начерки м с двумя плечами и слегка провисающей петлей. Для начертания буквы ц характерно стремление пишущего разместить её в пределах строки. Правая вертикаль буквы лишь немного опускается вниз за пределы строки. Горизонталь, соединяющая левую и правую мачты, присоединяется к правой вертикали несколько выше нижнего уровня строки, она всегда идет с небольшим подъемом вверх. Иногда вертикальный штрих опускается от середины горизонтали. Струнная часть з довольно большая. Горизонталь, лежащая на верхнем уровне строки, имеет слева небольшой идущий вниз штрих. Тонкая наклонная линия соединяет горизонталь со сравнительно коротким слегка откинутым назад «хвостом» буквы, который плавно опускается в междустрочье. Вторая часть диграфа оу – у – состоит из короткой довольно толстой вертикали, расположенной в строке, и тонкой длинной линии, идущей справа налево, тонкая линия опускается в междустрочье. Обе линии соприкасаются между собой на нижнем уровне строки. Один раз встре-

тился монограф ψ , в отличие от второй части диграфа $\phi\psi$ буква имеет широкую строчную часть; см. *Упомянуты* 91612–13.

У буквы χ правая линия более тонкая, длинная, она опускается вниз в межстрочье. Левая линия, почти вертикальная, пишется в пределах строки; она выполняется более толстой линией. Точка пересечения обеих линий расположена почти на нижнем уровне строки. Длинные «хвосты», достигающие верхнего уровня нижней строки, встречаются лишь у букв ρ , χ , знака ψ .

Выносные буквы употребляются не часто, встречаются страницы текста без них. В евангельском тексте немногочисленные выносные буквы по своим начертаниям похожи на уменьшенные строчные и еще менее каллиграфичны. Как правило, под титлом встречаются в , н , г , с , к , ц , о . В заголовках и уставных указаниях выносные буквы встречаются чаще, их состав разнообразнее: возможны, кроме перечисленных, также т , у , д , ф , б , иа .

Полагаем, что состав букв и особенности их начертания позволяют, с одной стороны, выявить архаические приметы письма, а с другой – установить различные новообразования, и благодаря этому сделать некоторые выводы о времени написания Саввиной книги. В ряде случаев решение вопроса о хронологии появления тех или иных написаний представляет значительные трудности, прежде всего из-за отсутствия точно датированного сравнительного материала. Сравнивая состав букв в Саввиной книге с составом букв в других сохранившихся древнейших славянских рукописях, можно считать, что отсутствие в евангельском тексте букв s , e или буквы перечеркнутой земли является определенным новообразованием в процессе развития древней кириллицы. К безусловным новообразованиям следует отнести употребление букв йотированных гласных: сравнительно редких букв и , иа и регулярной буквы иик . По всей вероятности, следует отнести к новообразованиям систематическое употребление буквы ψ ; В. Н. Щепкин доказывает, что в оригинале Саввиной книги был диграф $\phi\psi$ [3, с. 36–37]. Новообразованием, на наш взгляд, можно признать и слитное написание диграфа $\phi\psi$ в виде в .

К числу несомненных архаизмов в составе букв и их начертаниях, по-видимому, следует отнести отсутствие графического выражения йотации буквы иа . Также архаической приметой следует считать в тексте Евангелия строчные написания отъ/от ; диграф ш , как отмечалось выше, встречается только в заголовках. Наличие двух букв ъ и ь справедливо отнести к показательным архаизмам, однако отсутствие четкого разграничения их графического изображения можно отнести к новым явлениям. К числу несомненно архаических относятся начертания букв в и w , к ним же примыкает встреченное в прописке крестообразное т . Выше мы посчитали употребление буквы иик со специфическим выражением йотации новообразованием, однако само изображение, по всей вероятности, надо считать архаизмом. На наш взгляд, соотношение новообразований и архаических особенностей в системе письма Саввиной книги не позволяет датировать рукопись X веком, то есть датировать эпохой, близкой к времени деятельности Кирилла и Мефодия, а также ко времени создания кириллицы. Думается, что больше объективных показаний для датировки рукописи XI веком, вероятно, его первой половиной.

Часть III. Древнейшая древнерусская часть кодекса № 14 написана одним писцом уставом в один столбец, она занимает 12 листов пергамина, ныне лл. 154–165 (ранее 151–155, 157–163; еще ранее 152–163). Текст расположен на одиннадцати с половиной листах (23 страницы), оборот 165-го листа не записан текстом. Палеографические и графико-орфографические особенности письма части III позволяют датировать её ранним периодом древнерусской письменности.

В этой части встречаются буквы:

$\text{а}, \text{б}, \text{в}, \text{г}, \text{д}, \text{е}, \text{и}, \text{ж}, \text{з}, \text{н}, \text{и}, \text{к}, \text{л}, \text{м}, \text{н}, \text{о}, \text{п}, \text{р}, \text{с}, \text{т}, \text{о}\psi, \text{в}, \text{и}, \text{х}, \text{ц}, \text{у}, \text{ш}, \text{иик}, \text{ъ}, \text{ь}, \text{ю}, \text{иа}, \text{ф}, \text{в}, \text{и}, \text{иик}$

Употребление букв в цифровом значении вполне традиционно.

Встречается буква зело с головкой, повернутой влево, $\text{з} = 6$, для обозначения цифры 60 употребляется буква з 157a1; в цифрах второго десятка знаки единиц предшествуют i (единственное написание ai 164a3). Буквы-цифры пишутся со знаком титла и двумя точками по сторонам. Составные числитель-

ные отмечены под одним общим титлом и двумя точками ·сѣг· 154611, с титлами над каждой цифрой и точками после них: ·р·н· н ·р· 163613.

Почерк части III красивый; невысокие буквы устава свободно расположены в строке. Почерк прямой, ровный. Зрительно устав части III близок к письму древнерусских рукописей XI–XII вв., в особенности к рукописям, написанным некрупным уставом и скромным по оформлению (ср. некоторые почерки Архангельского Евангелия 1092 г., Синайского патерика и др.).

По составу букв устав части III близок как к уставу Саввиной книги (части II кодекса), так и к уставному письму других южно- и восточнославянских рукописей древнейшей поры. Отличия от письма Саввиной книги немногочисленны. Прежде всего обращает на себя внимание наличие буквы *и* в начертании, свойственном многим древним кириллическим рукописям. Традиционно *и* состоит из двух частей: знак йотации выражен отдельной вертикалью, горизонталь, соединяющая его со второй частью, выше середины высоты буквы. Эта буква встретилась всего два раза: *иже* 16369 и *иъны* 163610. Отличается от Саввиной книги и начертание буквы *и*. В третьей части эта буква пишется также с отдельно стоящей вертикалью, соединенной прямой со знаком *ж* посередине; эта буква *и* встретилась также только два раза: *свои* 158а2 и *гвоздинижи* 162а7–8. Именно в этом начертании буква *и* преобладает в других древнеславянских рукописях.

В части III так же, как и в Саввиной книге, буквы *и*, *е* употребляются только в цифровом значении, встречается только буква *ц*, но в отличие от письма части II широко употребителен в тексте цифра *ш*, один раз встретилось написание *б* 15468. Буква *ы* пишется только со знаком *ъ* в левой части, в ряде случаев левая и правая части соединяются горизонталью: *ы* 154а1, 155а13, 15567, 156а11.

К почерку части III кодекса № 14 обращался проф. Н. М. Каринский. Он рассматривал его вместе с почерками других древнерусских рукописей небольшого формата, в четвертку, письмо которых не отличалось высоким уровнем каллиграфии, торжественностью, «архитектурностью». Н. М. Каринский квалифицирует почерки рассматриваемых рукописей как почерки «беглые», почерки «нетвердые», «не вполне установившиеся», называя их также «будничными» [8, с. 6]. Вывод Н. М. Каринского встречающихся в древности «будничных» простых почерках вряд ли у кого-нибудь вызовет сомнения. Однако в простых по оформлению рукописях общее определение почерков как «беглых», «нетвердых», «не установившихся», на наш взгляд, следует рассматривать отдельно, применительно к каждому случаю. Трудно согласиться, что почерк части III является «не установившимся», «неустойчивым», «беглым». Считаем, что писец владел достаточно твердыми навыками письма, записанная строка имеет ровный облик, высота и ширина букв в столбце стабильны. Буквы расположены на равном расстоянии друг от друга. Столбцы с текстом ровные, письмо не выходит за пределы ограничительных линеек. Вместе с тем, действительно, в начертаниях отдельных элементов букв возможна некоторая вариантность, но колебания в начертаниях отдельных букв незначительны.

В части III кодекса № 14 несколько выделяется письмо на лицевой стороне листа 154 (ранее 152), страница имеет 21 строку с текстом, написанным более мелкими буквами, однако все письмо, в том числе и письмо на странице 152а, принадлежит руке одного достаточно опытного писца. Этот же писец сам выполнил 10 заглавий. Они неоднородны по манере исполнения в зависимости от размера места для заглавия, что также свидетельствует о хорошем уровне подготовки писца, который владел не только строчным уставом, но мог украсить свое письмо при ограниченном месте в строке, см., например, 1546, 1556, 1566. При наличии свободного места писец умел писать специальным заглавным почерком, например, 1586, 1596, 1606. Буквы достаточно уверенного, в целом стройного и, можно сказать, красивого устава по соотношению ширины и высоты еще очень близки к квадрату и сохраняют приметы письма древнерусских рукописей XI–XII вв. Омега пишется в своем древнем варианте с высокой серединой и не разведенными петлями. Интересен облик правой петли *ш*. Она пишется с небольшим изгибом посередине, и эта индивидуальная манера начертания украшает букву.

⁴ Саввина книга

У буквы ъ вертикаль, как правило, не выходит за пределы строки или она незначительно приподнята над строкой. Перекладина часто располагается в пределах строки не выше её середины. При высокой мачте, выходящей вверх за пределы строки, перекладина располагается на верхнем уровне строки, не выходя за неё. Такой рисунок ъ с незначительными вариантами известен во многих древнерусских рукописях XI в., в том числе в торжественной рукописи Изборника 1073 г.

У букв и, ю, и прямая перекладина идет от середины левой вертикальной мачты; у буквы к перекладина переходит в язычок. У буквы и сравнительно короткая наклонная перекладина начинается несколько ниже вершины левой мачты и присоединяется к правой мачте обычно посередине, но иногда, опускаясь ниже. У буквы та перекладина часто завышенная, иногда наклонная.

Нижние петли букв є, ѿ, ъ небольшие, они присоединяются к вертикалям ниже середины, у буквы в верхняя и нижняя петли могут соединяться выше середины. Н. М. Каринский среди вариантов букв отметил начертание буквы в, у которой между петлями в середине вертикали имеется промежуточка. Такое начертание встречается очень редко.

К числу начертаний, свойственных древнейшим кириллическим рукописям, относятся начертания буквы ж. Буква симметричная, точка пересечения двух наклонных расположена посередине. Вертикаль обычно пересекается с наклонными также на уровне середины строки. Иногда вертикаль может быть слегка сдвинута вправо или влево. Обычно буква ж пишется в три приема и лишь в немногих случаях можно предполагать, что буква писалась в четыре приема с верхним «рожком» справа, реже слева. Верхняя часть буквы по ширине всегда равна нижней.

Строчная часть буквы з имеет вполне традиционную и стабильную форму. Рисунок буквы начинался на верхнем уровне строки небольшим штрихом, опущенным вниз – в виде маленького треугольника. От него вправо писалась прямая, соответствующая ширине буквы. К ней примыкает «шлейка» в виде длинной наклонной, идущей к началу строки. От «шлейки» под строку отходит хвост буквы. Н. М. Каринский в указанной работе отметил, что буква з «пишется на два манера», однако варианность начертаний касается только опущенного под строку хвоста. Действительно, его начертания различны: встречается довольно короткий хвост, написанный в виде небольшой дуги, но возможен также длинный дугообразный хвост, достигающий верхнего уровня нижней строки. У буквы з частично строчная часть по высоте больше подстрочной или равна ей.

Вполне архаический облик характерен для начертания буквы р; она, возможно, писалась в один прием, начиная с ножки. Довольно длинная ножка переходила в овал, окруженный сверху. Для начертания буквы у Н. М. Каринский отмечал несколько вариантов: среди них наибольшее распространение имеет начертание с округлой симметричной чашей, ножка примерно равна половине высоты. Начерки с широкой чашей на высокой ножке встречаются существенно реже. Обе пересекающиеся линии буквы х выходят вниз в междустрочье; линия, идущая слева направо, всегда несколько толще. Мачта буквы а выполнена с небольшим наклоном влево. Петля буквы а, как правило, широкая, округлая, начинается ниже верхнего уровня строки и часто доходит до нижнего уровня строки.

Мачты буквы м пишутся с небольшим наклоном друг к другу; петля встречается с острым углом внизу и круглая. У буквы к правая и левая части не соединяются; излом правой линии находится в верхней части строки. Вторая часть диграфа оу пишется с толстой почти вертикальной мачтой в строке и с тонкой наклонной правой линией, опущенной вниз в междустрочье; тонкая линия вверху, как правило, имеет отворот вправо. В отрывке встретилась два раза ү. Один раз – обрѣтъ 1564 – узкая буква в конце строки написана традиционно в один прием, без отрыва пера. В другом примере въѣмъ 15564 «усики» присоединены к о раздельно.

Сокращенных написаний с титлами и выносными буквами в части III немного; междустрочки производят впечатление чистого. Несколько чаще встречаются сокращенно написанные слова по титлом без выносных букв; эти сокращения вполне традиционны: иѣмъ 15767, гѣца 157612, мѣнъ

15663, *и* 15569, *гд*оу 155613. Знак титла имеет форму горизонтальной черточки (иногда волнообразной) с загнутыми в разные стороны концами. Немногие выносные буквы – *с*, *в*, *о*, *г*, *м*, написанные над строкой, отличаются своеобразным знаком титла, имеющим вид двух небольших дужек, поставленных справа и слева. См.: *дн* 15769, *б*ы 157а4, *у*лк^я 156а16, *пр*къ 15761, *к*ва 155616 и др. Без покрытия титлом пишется буква *т* на довольно высокой ножке над омегой в предлоге-приставке *ш*.

Древнерусское происхождение письма части III определил И. И. Срезневский. В первой публикации отрывка он отметил, что в письме представлено смешение двух древних правописаний, «нерусского и русского», замечаемое преимущественно в памятниках XI века [1, с. 44]. С этих пор восточнославянское происхождение писца отрывка не вызывало сомнений. О древности кириллицы в части III и о древнерусской её принадлежности свидетельствуют многочисленные случаи употребления юсов и случаи их мены с буквами *о*, *ю*, *а*, *и*. Наряду с редкими примерами написания *и* и *и* встретились довольно многочисленные написания с буквой *ж*: *въшьдьшж* 154а13, *бъвтьшоуомж* 156618, *оутроу же бывтьшж* 163а8, а также *внждж* 162а4, *въложж* 162а6, *сжть* 16267, *вънжтры* 162а11 и под. Об этом же свидетельствуют написания: *роуцъ* 15567, *въ идниу сжботоу* 16162–3, *въроу* 155616, *боудеть* 15568, *въскрьсноутн* 156а18, *посълю* 15966, *люблю* 164а9, *на զемлю* 156а9, *сною* 15969, *тобою* 163а5, *разоумъютъ* 159а16–17, *ризъ лежаца* 156610–11, *ð զемля* 16364, *бъша* 16269, *иаӡтыкъ* 15562, *иј неиаже* 154614 и др. Встречаются написания с буквой *ж* на месте **dj*: *ијжаста* 158а8, *прѣже* 154613, 16062, *оутвръжающю* 155614. Характерны для древнерусской письменности написания с буквой *е* вместо *ъ*: в неполногласных сочетаниях *посредъ* 15869, 162а14, в косвенных падежах от основы *тълес-*: *телесе* 156а3 (но *тъло* 160615), и в окончании дательного и предложного падежей местоимений *тъбе* 164620, 165а5, *къ себе* 164а14, *въ себе* 156611. К несомненным древнерусским особенностям письма отрывка относится регулярное окончание *-ть* в соответствующих формах глаголов: *кость* 163618, 164615, *дасть* 163618, *дръжать* 161618, *ведеть* 16467, *бъсть* 156а3, *поашеть* 16466–7 и др. В соответствии с традицией письма древнейших русских рукописей буквы *ъ*, *ь* в большинстве употребляются в соответствии с этимологией. Не противоречат этой традиции древнеболгарские по происхождению примеры с *ъ*, *ь* после *л*, *р* в корнях слов с сочетаниями типа **тыт*: *плъно* 163612, *оскръбъ* 164а17, *дръжнте* 161618, *стъмрътн* 15764–5, *мрътвънъ* 164а2, *мрътвъмн* 156а11. Подобные написания широко известны в древнерусских рукописях древнейшей поры.

Аргументированное заключение о времени написания части III кодекса № 14 принадлежит Н. М. Каринскому. Он рассматривает почерк отрывка в ряду других древнейших восточнославянских рукописей и датирует его XI в. Так датировали отрывок Н. В. Волков и Н. Н. Дурново; В. Н. Щепкин относил его написание к XII веку. Считаем, что по начертанию буквенных знаков, их расположению в строке почерк части III вполне правомерно датировать XI в. Характерные графико-орфографические особенности также позволяют отнести написание отрывка к «раннедревнерусскому периоду в архаическом варианте» [18, с. 40]. Однако, принимая в целом датировку Н. М. Каринского, полагаем, что нельзя однозначно назвать временем создания отрывка XI в.; нам представляется правильнее датировать его концом XI – началом XII в.

Что касается «места» создания отрывка, то его уточнение достаточно сложно. С наибольшей вероятностью следует исключить северо-запад древнерусской земли (Новгород, Псков). В значительной степени, на наш взгляд, будет правомерным предположение о Киевской земле, в пределах которой могла быть написана эта часть кодекса № 14. Заметим, что, ставя вопрос о конкретном месте создания части III, мы не можем исключить возможности ее написания древнерусским писцом вне пределов Древней Руси, например в одном из православных монастырей на Афоне или около Константинополя. В известной степени решение вопроса о месте написания отрывка сводится к суждению о диалектной принадлежности писца. Но в нашем случае можно сказать лишь, что писец владел письменной формой древнерусского языка.

Считаем, что совершенно очевидна цель изготовления рассматриваемого отрывка. Его написали для восполнения утраченного текста апракосного Евангелия. В конце XI – начале XII в. Саввина книга была дополнена текстом одиннадцати воскресных евангелий. Первоначально эти чтения в кодексе безусловно имелись. Об этом свидетельствует отрывок на л. 153, содержащий часть текста десятого евангелия (Ин 21:4–13). Следовательно, можно утверждать, что к концу XI – началу XII в. был утрачен конец древнейшего кириллического текста кодекса, восполненный затем древнерусским писцом. Достаточно архаические графико-орфографические особенности письма части III с многочисленными написаниями, свойственными письму древнейших кириллических памятников, допускают предположение о том, что непосредственным оригиналом отрывка послужила древнеболгарская рукопись. Некоторые общие приемы начертания букв в Саввиной книге (часть II) и в части III, на наш взгляд, не исключают вывода о том, что образцом могло служить письмо Саввиной книги.

Часть I. Первая часть кодекса № 14 также представляет собой памятник древнерусского письма, эта часть написана позже двух других. Отрывок состоит из 24-х листов пергамена и содержит начало апракосного евангелия. Текст написан в один столбец по 16–17 строк на странице и занимает двадцать три с половиной листа; лицевая сторона первого листа не записана. Напомним, что 23 листа из двадцати четырех (кроме листа 7) представляют собой палимпсест. Они написаны по сокобленному кириллическому тексту. Нижний текст при этом был выскоблен недостаточно тщательно, поэтому его буквы, в том числе киноварные, пропускают и мешают чтению. Можно думать, что для изготовления части I были взяты какие-то испорченные книжные листы. Первоначальный (нижний) текст написан уставом в Древней Руси не ранее второй половины XIII в. Его страницы были большего размера, на них размещалось до 22–24-х строк с текстом и строки были длиннее. На трех листах (1, 8, 10) нижнее письмо имеет обратное расположение по отношению к верхнему. Прочтение нижнего письма будет представлено во II-й части работы.

Вся первая часть кодекса написана древнерусским уставом одним (основным) почерком, с незначительными вкраплениями еще двух почерков. Основной почерк – почерк уверенный, но некрасивый и несколько небрежный. В нем отсутствует пропорциональность и соразмерность букв, вместе с тем приемы начертания достаточно стабильны. Буквенные знаки могут отличаться друг от друга размерами, но не приемами письма. Не исключено, что отсутствие соразмерности в начертаниях объясняется спецификой поверхности писчего материала, часто пергамен был недостаточно тщательно обработан.

Основной почерк имеет небольшой наклон вправо. Оба дополнительных почерка в этой части относятся к типу прямого устава. Первым из них написаны пять строк и начало шестой строки в начале евангелия (л. 16). Второй почерк встретился трижды: им написаны пять строк (с 5-й по 9-ю) на л. 5а, четыре строки (с 3-й по 6-ю) на л. 9а и почти семь строк с конца слова *съвѣдѣтельство* на строке 12 л. 12б и первые две строки и начало третьей л. 13а. В общей сложности вторым дополнительным почерком написано 16 строк текста, что составляет примерно одну страницу. Вкрапления иного почерка в первой части чередуются с основным письмом, причем их границы проходят в середине строки и в середине слова. Следовательно, три различных писца писали текст одновременно друг за другом. Оба дополнительных почерка, различаясь между собой, по характеру буквенных начертаний более традиционны, ближе к письму других древнерусских памятников и отличаются от основного письма. Первый дополнительный почерк на л. 16 характеризуется определенной архаичностью, его буквы шире по своим пропорциям и ближе к квадрату. Второй дополнительный почерк на лл. 5, 9 и 12–13 отличается от первого дополнительного почерка некоторой небрежностью, его буквы уже (чем на л. 16), в нем отсутствует стабильность расположения горизонтали в середине буквы. В обоих дополнительных почерках «хвосты» букв *з*, *р*, *у* (в *ѹ*), *ф* опущены вниз в междустроичье. Горизонтали *и*, *и*, *ю*, *я*, *и* во втором почерке часто высокие. Сравнивая письмо начала отрывка

основным письмом, видим в них, в отличие от В. Н. Щепкина [3, с. 2–3], два различных почерка, с вкраплением третьего.

По составу букв и их начертаниям письмо в части I не отличается от древнерусских рукописей XIII–XIV веков, но имеет существенные различия с письмом части II и части III кодекса.

В части I кодекса встречаются буквы:

А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, Н, І (І), К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, ОУ, Ф, Х, Ц, У, Ш, Щ, Ю, ІІ, ІІІ, Ъ, Ы, Ь, ъ, ѫ, Ѣ.

В части I отсутствуют буквы **Ж, ІІ, ІІІ, С, З, А, Ф**. К сожалению нельзя судить о цифровых значениях букв в отрывке, кроме **·ІІ· = 2** цифры не встречаются. В целом все письмо части I, несмотря на частные особенности, обладает общими признаками устава. Начертания букв имеют стабильный геометрический характер, все письмо двулинейное. В каждом почерке начертания букв отличаются единообразием. Основной почерк части I можно охарактеризовать как достаточно архаичный. В начертаниях букв полностью отсутствуют различия между тонкими и толстыми линиями. Буквы устава свободно расположены в строке, расстояние между буквами достаточно стабильно. К характерной особенности основного почерка части I следует отнести отсутствие так называемых «хвостов» букв, опущенных вниз под строку. Писец явно избегает заполнять межстрочье, буквы **Д, З, Р, У (ОУ), Ф, Х, Ц, Щ** полностью размещаются в строке. Правда, у букв **Ф, ъ** мачты выходят за пределы строки вверх.

Буква **ъ** имеет довольно высокую мачту, перекладина находится на верхнем уровне строки. Буква **ш** пишется с широко разведенными петлями и с невысокой, почти округлой серединой; буква широкая. Горизontали букв **Н, Ю, ІІ, ІІІ** расположены, как правило, на середине строки или слегка выше, у буквы **І** она переходит в язычок. У буквы **Н** перекладина высокая, она начинается от верха левой мачты и присоединяется к середине правой. Архаичный облик сохраняется в начертании буквы **ы**, она пишется со знаком **ъ** и соединительной линией между левой и правой частями (**ы**). Буква **ж** пишется, очевидно, в три приема и состоит из вертикали, у которой рядом справа и слева пишутся две ломаные линии. Эти линии обычно не соприкасаются с мачтой. Буква часто несимметрична. Буква **к** как бы представляет правую часть буквы **ж**, её ломаная линия не присоединяется к вертикали. Буква **м** всегда широкая, она пишется с двумя плечами и округлой короткой дугой. Буква **а** также широкая, она состоит из наклонной спинки, к которой присоединяется довольно длинная петля, которая может быть вытянутой и узкой, и широкой. Петля начинается от верха спинки. Петли **ъ, ъ, ѫ, Ѣ** и нижняя **в** часто завышены и не вполне геометричны.

В вопросе о времени написания части I в литературе следуют суждениям А. И. Соболевского [15, с. 37] и В. Н. Щепкина [3, с. 3], датировавших отрывок XIV веком. Изучение письма отрывка в целом и, прежде всего, основного его почерка в сравнении с почерками древнерусских рукописей XIII–XIV вв. позволяет считать, что часть I кодекса № 14 могла быть создана ранее. Следует заметить, что аналоги почерка найти достаточно сложно из-за палимпсеста. И тем не менее среди не строго каллиграфических почерков находятся и подобные. Наибольшую близость основной почерк части I обнаруживает с почерком псковской рукописи Явилова четвероевангелия конца XIII в. (?), первой половины XIV в.; с косвенной датой 1337–1341 гг. (РГАДА, ф. 381, № 2). По характеру буквенных начертаний письмо этой части близко к почерку новгородской рукописи Лобковского Пролога 1262 г. (ГИМ, Хлуд. 187; см. рис. № 10). А общий стиль почерка в известной степени подобен письму псковской рукописи Апостола 1309–1312 гг. (ГИМ, Син. 15; см. рис. № 11), весьма архаичному. Считаем, что часть I кодекса № 14 могла быть создана в конце XIII в., вместе с тем нельзя исключить и начало XIV в. Специфические особенности употребления букв, на наш взгляд, свидетельствуют о XIII в. скорее, чем о XIV в.

Местом написания отрывка в литературе называется Псковская земля. Об этом писал В. Н. Щепкин [3, с. 2]; материал отрывка приводится А. И. Соболевским среди данных других источников, относящихся к древнему псковскому диалекту [15, с. 37]. К древним псковским особенностям А. И. Со-

болевский относил взаимную мену букв **с** и **ш**: **тты кшин (кши)** 7б, **вндъвсе (вндъвше)** 14а; наличие «цоканья»: **агнъуль бжин** 7а, а также **бнць (бнчь)** 11а. О псковском происхождении писца отрывка говорит мена буквы **з** на **ж**: **Швержоста (Швердоста)** ба. А. И. Соболевский отметил в отрывке редкое для древнерусской письменности написание **кте** (два раза вм. **кде**) 7а; заметим, написание **кте** 49б встретилось в псковской рукописи полноапракосного евангелия середины XIV в. (РГАДА, фонд 381, № 19). У А. И. Соболевского отмечается и замена буквы **е** через **а**: **жнваша (жнваше)** 7а, впрочем последний пример можно считать опиской.

В числе характерных для XIII в. особенностей укажем регулярное двубуквенное написание **оу** не только после гласных и в начале слова, но и после согласных: **оубо, оунителю, соудъ, имоу, славоу, разоумъхъ, въкоуси** и т.д. В большинстве случаев соблюдается дифференцированное употребление букв **а** и **и**: **а** пишется после согласных, а **и** после гласных и в начале слова. Однако это распределение соблюдается не всегда последовательно, что также скорее указывает на XIII в. Встретилось написание **с а** вместо ожидаемого **иа**: **ави са** 6б, **ако** 4а, 23а, **радость моя** 13а, **стомиша** 7а, **святънина** 20б, **свѣдѣтельствоуа** 20а, **исана** 3б, **иана** 3а, **илья** 3б и т.д. Один раз встретилось написание **с и** после согласного: **творища** 18б.

К числу исторически закономерных относятся примеры, отражающие падение редуцированных. Наряду с традиционными написаниями: **сныть** 5а, **въ въсь ба, нъ 2а, дъскы (им.мн.)** 11а, **въпнти, земльнаа** 10б и т.д. встречаются случаи замены **ъ, ь** буквами **о, е** и, соответственно, их пропуск: **во нъ** 10б, **надо всъмн** 13б, **соудъ весь** 18б, **въ тѣмнцо** 12б, **принеъ 9а, 22б, принлецъ 5а, истиненъ 13б, равенъ 18а, неверенъ 15а**, а также **к немоу** 12б, **с нама ба, соудъ правдынъ 20а, вънуаго** 15б, **швца** 11а и т.д. Так же часто **о, е** вместо **ъ, ь** находим в словах с сочетаниями типа ***тыт: до вѣрха** 16а, **съвершио** 20б, **Шверже ся** 3а, **исроверже** 11а, **Шверсто** 8б, **держат ся** 14б, **держите** 14б, **держаста** 4б, **мертвъхъ** 12а, **перста** 14б, **поуерпъте** 16а, **поуерпъшен** 16б, **исполнъ** 2б, **исполнн ся** 13а, **наполните** 16а, **наполннша** 16а, **исполннен** 2б. Интересно, что слова с древними сочетаниями типа ***тыт** последовательно пишутся с **ъ, ь**: **плъть** 2б, 9б, **плътьскы** 2б, **ш плъти** 9б, **кръви** 2а, **кръстян** 4а, **кръщае** 12а. Считаем, что приведенные примеры скорее свидетельствуют в пользу XIII, а не XIV в. Встретились вполне ожидаемые **ъ, ь** на месте исконных **о, е**: **вълъы (волы)** 11а, **въ тъмъ** 6б, **вълла (вола)** 20а, **тържъникъмъ** 11а, **въ пръломънин** 6б. Отмечены написания **съ** между исконно соседними согласными: **деръзноувъ** 24а, **пъръсть** 15а (примеры с аналогичным употреблением **ь** не встретились).

В ряде случаев находим написания с взаимной меной **ъ** и **ь**. Буква **ъ** вместо **ь** встретилась в таких примерах: **аънъ имамъ** 3б, 20б, **сватнть ся** 1б, **тъма** 1б, **въ тъмъ** 1б (но и **тъмоу** 17б). Букву **ь** на месте **ъ** находим: **въмъ** и **глъмъ** (1 мн.) 10а, **исъуенъ** 24б, **имъ** (дат.мн.) 2а, **монмъ словесемъ** (дат.мн.) 22а, **свѣть** **прндеть** 17а, **на шнъ поль моря** 22а (обычно онъ **полъ мора**).

Приведенные примеры свидетельствуют о значительном влиянии в рассматриваемом отрывке собственно «бытового» письма со смешением букв **ъ** и **о, ь** и **е**, обычных для XIII–XIV вв. [10, с. 61–62]. Смешение **ъ** и **ь** менее характерно, однако и эти примеры не противоречат представлениям о «бытовой» графико-орфографической традиции позднего древнерусского периода. Отдельные написания среди них допускают предположение об отражении фонетически закономерного отвердения согласных (**аънъ имамъ**) и, следовательно, возможна гиперкоррекция в примерах: **имъ, въмъ**.

Многочисленные случаи взаимной мены букв **ъ** и **е**, **е** (**ъ**), очевидно, также следует объяснять влиянием бытовой письменности. Буква **ъ** на месте **е, ь** встречается перед слогом с гласным переднего ряда и на конце слов: **знатънник** 11б, **тръмн днъмн** 11б, **прндъть** (наст.) 17б, **бъсъдоваста** 4б, **нъ бъ** 14б, **обрѣтъ** 7б, **нъсмъ** (вм. **нъсмъ**) 3а (2х). Не исключено, что в написаниях **бъсъдоваста** **обрѣтъ**, **нъ бъ**, **нъсмъ** на употребление **ъ** оказывала влияние закономерная буква **ъ** в соседних слогах. Примеры с буквой **е** на месте стандартной **ъ** более многочисленные и разнообразные: **демъко** 17б, 20б, **блнъ места** 23а, **вероукишн** 8б, **неверенъ** 15а, **обрѣтъ** 7б, 8а, **вндеъши**

15а, ви́дехомъ 10а, ви́деста 7а, ви́деша 5б, ви́де 4а, 7а, вероятно, ви́дета (пов.) 7а, ве́стѣ (вм. въстѣ) 4а, не́сн (вм. нъсн) 3б, бе (вм. бъ) 2а, 7б, тобе (дат.ед.) 16а, при́несетѣ (пов.) 16а, и́щете (пов.) 23б, при́дется (пов.) 7а, всеми 5а, съвѣдѣтельства 10а, съвѣдѣтельствовахомъ 10а (при многочисленных съвѣдѣтель-), а также и́ша хлѣбы 23а.

Свообразную графическую особенность представляют примеры завершения строки согласной буквой, например: ми́ръ 2а, 15а, творо́гти 9а, тю́г 16а, кро́щаše 12а, ми́тн 10б, ви́си 20б и др. Один раз строка начинается буквой ъ: книга́мъ 12а7–8.

Все указанные случаи отклонения от традиционно «правильного» письма в рассматриваемом отрывке известны в той или иной степени и по другим древнерусским спискам Евангелия XIII–XIV вв. Однако в данном случае нарушения встречаются значительно чаще.

К числу интересных особенностей относятся немногие написания с ъ, и вместо древних ъ, ѿ на конце слов перед следующей н: да въпросятн и За, иже глотн и 5б, да въсъхытятн и створятн и 22б, прияты и дасть 2а, добро бъты и 8а. Один раз встретилось написание с и на месте ъ: съными и (вм. сънымъ и) 24б. Подобные написания известны в древнерусских юго-западных рукописях XII–XIII вв., их наличие не отмечалось в рукописях иной территориальной принадлежности. Убедительно объяснить их в этой части кодекса, на наш взгляд, не представляется возможным. Нам кажется, что нельзя полностью исключить предположение о фонетическом значении этих написаний в псковском диалекте XIII в. Вместе с тем можно считать указанные написания отражением письма оригинала, который мог быть и галицко-волынским. Все остальные приметы письма и языка части I кодекса № 14 соответствуют нашим представлениям о Псковской земле. Считаем, что созданный в конце XIII – начале XIV века текст на 24 листах пергамена представляет одну из древнейших известных в настоящее время псковских рукописей.

Часть IV. К части IV, как уже говорилось, относится одна страница в 21 строку текста, расположенная на лицевой стороне л. 166 (ранее 165). Лист плохой сохранности, текст читается с большим трудом, что существенно затрудняет выводы о специфических особенностях почерка. В. Н. Щепкин в своем исследовании определил текст как древнеболгарский XI в., созданный, вероятно, несколько позже Савиной книги [3, с. 2–4]. К этому заключению присоединяется и Е. Дограмаджиева [10, с. 16–21].

Выводы

В заключение повторим, что кодекс № 14 представляет собой памятник очень сложного состава и в целом ранее почти не рассматривался. В рукописи часть I (лл. 1–24) была создана в конце XIII – начале XIV в. в Древней Руси, часть II (Савина книга, лл. 25–153) – древнейшая, была написана в Древней Болгарии в XI в.; часть III (лл. 154–165) – в Древней Руси в конце XI – начале XII в. и часть IV (л. 166) была написана в Древней Болгарии в XI в. Есть все основания считать, что две древнерусские части были включены в книгу для практических целей. Среди сохранившихся древнеславянских рукописей кодексы с утраченными началом и концом встречаются достаточно часто. Известны и случаи их своеобразной реставрации: поздние дополнения включаются в существующий кодекс для возмещения механических утрат. Дополнения к Савиной книге были написаны не только в иное время, но и в иной славянской языковой среде. В связи с этим важно, где и когда присоединили отрывки к древнеболгарской части кодекса? По всей вероятности, дополнения к Савиной книге делались в два приема в пределах Древней Руси, одновременно с написанием дополнений.

В XVII в. книга поступила на Московский Печатный двор из псковского Середкина монастыря. Следовательно, можно предполагать, что до середины XVII в. рукопись № 14 не покидала Псковской земли. При этом за время бытования кодекса после XIII в. в нем появились новые утраты, сохранившиеся до настоящего времени.

Примечания

1. Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № XXV. Отрывок из русского списка евангельских чтений XI века. //Сборник ОРЯС. СПб., 1867. Т. I. Вып. III. С. 44–57.
2. Срезневский И. И. Обозрение старославянских памятников юго-западного юсового письма //Сборник ОРЯС. СПб., 1868. Т. III. С. 5–20;
Он же. Древние старославянские памятники юсового письма. Там же. С. 1–154.
3. Щепкин В. Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899. 349 с.
4. Щепкин В. Н. Саввина книга //Памятники старославянского языка. СПб., 1903. Т. I. Вып. 2. (текст с. 1–152, указатели к тексту с. 153–235).
5. Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма //Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.1. Пг., 1915. С. 29–32 (фотогр. 25–28).
6. Лавров П. А. Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916. (фотогр. 1).
7. Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР /Составители: Князевская О. А., Коваль Н. С., Кошелева О. С., Мошкова Л. В. М., 1988. С. 29–31.
8. Каринский Н. М. Перечень важнейших неточностей последнего издания Саввиной книги. [рец.] //Известия ОРЯС. СПб., 1914. Т. XIX. Кн. 3. С. 206–216.
9. Джуррова Аксиния. 1000 години българска ръкописна книга. Орнамент и миниатюра. София, 1981. Приложения.
10. Дограмаджиеva Е. Ролята на л. 165 в състава на Савина книга //Palaeobulgarica – Старобългаристика. София, 1993. № 4. С. 16–21.
11. Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. и их указатель //Памятники древней письменности. СПб., 1897. № СХХIII.
12. Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925. С. 6–7. Таблица 27.
13. Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969. С. 56 (№ 23).
14. Том И. Русская часть Саввиной книги. //Dissertationes Slavicae XXI. Сегед, 1990. С. 363–420. Издание текста с указателями и фотографиями л. 162а (ныне 164а) и л. 163а (ныне 165а);
Он же. Русская часть Саввиной книги //Dissertationes Slavicae XII. Сегед, 1977. С. 177–205, фотографии л. 161б (ныне 163) и л. 162а (ныне 164а).
15. Соболевский А. И. Очерки по истории русского языка. Киев, 1884. Ч. 1. С. 137–138.
16. Князевская О. А. Древнерусские дополнения в рукописи №14 Типографского собрания (Центральный государственный архив древних актов, Москва) //Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1990. Bd. 25/26. S. 217–231.
17. Джуррова А., Станчев К., Ятунджич М. Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985. С. 196–201. Изборно евангелие (№ 101, Vat. gr. 2502). Илюстр. ССХІ – л. 566 ССХІІ – л. 108.
18. Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами //История русского языка в древнейший период. М., 1984.